

Карл Густав Юнг

Символическая жизнь (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9370808

*Символическая жизнь / Юнг К. Г. Пер. с англ. В. В. Зеленского – Издание 2-е.: Когито-Центр;
Москва; 2003*

ISBN 978-5-89353-241-8, 0-691-09892-1

Аннотация

Данное издание включает три известные во всем мире работы К. Г. Юнга: «Тавистокские лекции» (1935), «Символы и толкование сновидений» (1961) и «Символическая жизнь» (1939). Это устные доклады, впоследствии опубликованные, и популярная работа для неспециалистов, в которой излагаются фундаментальные положения аналитической психологии, созданная в последний год жизни Юнга.

Книга адресована специалистам – психологам, философам, историкам культуры и всем, кто интересуется вопросами аналитической психологии.

Содержание

Предисловие составителя	5
Тавистокские лекции	7
Редакторское пояснение	7
Лекция I	8
Обсуждение	19
Лекция II	27
Обсуждение	40
Лекция III	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Карл Густав Юнг

Символическая жизнь

Carl Gustav JUNG

THE SYMBOLIC LIFE

PRINCETON UNIVERSITY
PRESS
1989

Перевод с английского и предисловие *В. В. Зеленского*

Предисловие составителя

Предлагаемые русскому читателю работы Карла Густава Юнга входят в 18-й том собрания его сочинений и составляют «золотой фонд» его учения. И «Тавистокские лекции», и «Символы и толкование сновидений» (работа, больше известная как вступительная глава к популярной книге «Человек и его символы») уже давно стали бестселлерами на Западе, а тиражи этих книг перевалили за десятки миллионов экземпляров. Кроме того, и «Тавистокские лекции», и «Символическая жизнь» являются прекрасными образцами устных докладов, одобренных позже Юнгом для печати. Они демонстрируют ораторское искусство Юнга – умение непосредственно, спонтанно формулировать основополагающие положения своего подхода перед достаточно скептически настроенной аудиторией. На примере «Тавистокских лекций» видно, как слушатели постепенно оказываются под воздействием юнговской риторики и остроумной логики. Свой цикл он начинает с разбора психологических типов, затем переходит к тесту словесных ассоциаций, анализу сновидений и заканчивает лекцией о переносе. Каждое выступление сопровождается детальным обсуждением, в котором явственно и живо проступают черты личности автора. Порой буквально слышится его пламенный голос: «Я должен еще раз повторить, что мои методы открывают не *теории*, они открывают факты...».

Вторая работа – «Символы и толкование сновидений» – писалась Юнгом в последние годы жизни, когда его коллеги и близкие убедили мэтра выпустить в печать популярную работу для неспециалистов. После долгих колебаний Юнг наконец согласился, представив фундаментальные идеи аналитической психологии в новом, подчас необычном ракурсе.

Название всего тома – «Символическая жизнь» – название семинара, который Юнг провел в 1939 году, и предлагаемый ниже текст (никогда прежде на русском языке не публиковавшийся) полностью сохранен. На этом семинаре Юнг обсуждает тот факт, что протестанты и евреи гораздо более невротичны, нежели католики (и, добавим от себя, воцерковленные православные). Юнг полагает, что католики обычно менее невротичны, потому что приобщены к таинству исповеди и литургии (мессе), носящим для них священный характер. Иначе говоря, католический ритуал воплощает символизм, сохраняющий жизненно важное значение, в то время как другие религии западного образца включают менее значимые ритуалы. Юнг констатирует (еще раз напомню, что речь идет о 1939 году, кануне Второй мировой войны): «Теперь у нас нет символической жизни, и всем нам несладко от этого». И далее он утверждает: «Нам необходима символическая жизнь. Только символическая жизнь может выразить потребность души – смею утверждать, каждодневную потребность души! И, поскольку у людей ее нет, они никогда не смогут выбраться из своего “беличьего колеса” – этой ужасной, банальной, изнурительной жизни, в которой они “ничто кроме”» (см. текст ниже, пар. 627). Интересно, что мог бы чувствовать Юнг сегодня в нашем европейском культурном климате, когда различные церкви все меньше способны справляться с невротическими проблемами нашего времени?

Само выражение «символическая жизнь» весьма точно передает дух всего юнговского мировоззрения. В структуре учения Юнга «символическая жизнь» выступает сердцевинной его теоретических и практических положений. Поэтому данную работу можно смело рекомендовать не только специалистам-психологам, стремящимся удостовериться в том, что ничего важного в юнговском учении не пропущено, но и широкому кругу гуманитариев, а также всем тем, кто стремится к самопознанию, к обретению целительного и значимого смысла своей жизни. Настоящее издание подготовлено в рамках программы Информационного Центра психоаналитической культуры в Петербурге.

Валерий Зеленский
Февраль 2003 г.

Тавистокские лекции О теории и практике аналитической психологии

Редакторское пояснение

В 1935 году с 30 сентября по 4 октября Карл Густав Юнг прочел цикл из пяти лекций в Лондонском институте медицинской психологии (Тавистокской клинике)¹. Согласно отчету Института эти лекции не имели какого-либо специального названия. Аудитория (около двухсот человек) состояла преимущественно из представителей медицинской профессии. Лекции и последующие обсуждения стенографировались, а затем были отредактированы Мари Баркер и Маргарет Гейм, после чего их просмотрел профессор Юнг. Подготовленный таким образом текст был напечатан на mimeографе и распространен для служебного пользования среди сотрудников клиники, а также среди членов Аналитического Психологического Клуба в Лондоне. Текст назывался «Основные психологические понятия: Доклад из пяти лекций Карла Густава Юнга». Работа приобрела известность как «Тавистокские лекции» или «Лондонские семинары».

В настоящее издание, осуществленное в 1950 г., переводчик собрания сочинений К. Г. Юнга Р. Халл внес незначительную стилистическую правку.

¹ Основанная в 1920 году The Tavistock Square Clinic в 1931 году изменила свое название на Институт медицинской психологии, а несколькими годами позже стала называться Тавистокской клиникой (The Tavistock Clinic).

Лекция I

Председательствующий (доктор Х. Крихтон-Миллер):

Дамы и господа! Я рад, что мне предоставлена честь приветствовать профессора Юнга от вашего имени. Уважаемый профессор, мы ожидали вашего приезда с нетерпением уже несколько месяцев, и многие из нас, несомненно, ждут, что эта встреча прольет свет нового знания. Большинство, я убежден, предвкушают радость от познания нового. Многие пришли сюда потому, что видят в вас человека, спасшего современную психологию от опасной изоляции в «сообществе» гуманитарного знания и науки, в которое она была занесена по воле судьбы. Некоторые из нас пришли, чтобы выразить свое почтение и восхищение той широтой видения, с которой вы смело пошли на союз философии и психологии, союз, столь порицаемый сегодня во многих отношениях. Вы возвратили нам саму идею ценности, наполнили новым психологическим содержанием понятие человеческой свободы, многие ваши идеи оказались поистине бесценными для нас; но главное – вы не отказались от изучения человеческой психики в той области, где все науки заканчиваются. За все это и за многое другое мы глубоко признательны вам и с радостным ожиданием предвкушаем наши встречи.

Профессор Юнг:

Дамы и господа! Позвольте прежде всего заметить, что мой родной язык не английский, и, поскольку мой английский не слишком хорош, я прошу прощения за возможные ошибки.

Итак, моя цель – наметить в общих чертах некоторые фундаментальные понятия психологии. То, что мои лекции главным образом связаны с моими собственными принципами и взглядами, не означает, что я не учитываю значимости вклада других исследователей в этой области. Не переоценивая себя, надеюсь, что мои слушатели в той же мере осознают заслуги Фрейда и Адлера, что и я.

Позвольте прежде кратко изложить программу моих лекций. Две главные темы составляют ее содержание. Первая связана с понятиями, затрагивающими структуру бессознательного и его содержание; вторая – с методами исследования содержания бессознательного. Вторая тема распадается на три части: метод словесных ассоциаций, толкование сновидений и метод активного воображения.

Я, конечно, не смогу полностью раскрыть такие серьезные вопросы, как, например, философские, религиозные, этические и социальные проблемы, свойственные коллективному сознанию нашего времени, или же процессы коллективного бессознательного и сравнительные мифологические и исторические исследования, необходимые для их разъяснения. Эти темы, казалось бы, не связанные с нашими интересами, тем не менее являются наиболее мощным фактором в создании и регуляции личностных ментальных условий. Они служат также источником разногласий в психологических теориях. Хотя я медик и связан главным образом с психопатологией, я тем не менее убежден, что этой частной области психологии может помочь только глубокое, обширное знание о психике в целом. Врач никогда не должен забывать, что болезни – это нарушенные нормальные процессы. «Подобное лечится подобным» – замечательная истина древней медицины, но, как всякая великая истина, она может стать и великой чушью. Однобокость и узость горизонта – известные признаки невроза.

Что бы я ни сказал вам, это, несомненно, будет лишь очертанием темы. Я не стану анализировать новые теории, поскольку мой эмпирический темперамент больше стремится к новым фактам, нежели к тому, что могут говорить о них. Хотя я должен согласиться: это приятное интеллектуальное развлечение. Каждый новый случай для меня – почти новая теория. Я не думаю, что эта точка зрения лишена смысла, особенно если учитывать крайнюю

молодость современной психологии, которая, на мой взгляд, еще не покинула своей колыбели. Поэтому время гениальных теорий еще не наступило. Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета – собственно «души», психического, *psyche*. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является *объектом* научного исследования. В то же время наблюдения и суждения одновременно выступают в качестве субъекта, средства, при помощи которого мы подобные исследования осуществляем. Угроза возникновения такого мощного порочного круга заставляет быть в этих вопросах крайне осторожным и релятивным, что само по себе часто воспринимается неверно.

Прошу вас принять во внимание, что ограниченное время не позволяет мне представить дополнительные доказательства для подтверждения моих выводов. Итак, я надеюсь на ваше доброе расположение и в свою очередь прекрасно понимаю, что моя главная задача – излагать материал как можно яснее.

Психология – в первую очередь наука о сознании. Она же и наука о продуктах того, что мы называем бессознательным психическим. Мы не можем непосредственно, «в лоб» изучать бессознательное психическое: у нас с ним нет никакой связи. Мы имеем дело только с продуктами психического, которые, как можно полагать, ведут свое происхождение из области, называемой бессознательным, – области «туманных представлений», которые философ Кант в своей «Антропологии» определял как наполовину бытующие в мире. Все, что мы можем сказать о бессознательном, – это лишь то, что говорит о нем сознание. Бессознательное психическое, природа которого нам совершенно неизвестна, всегда выражалось сознанием и в терминах сознания, но это единственное, что можно делать. Пойти дальше мы не можем, и данное обстоятельство всегда необходимо иметь в виду как крайнюю меру в критике нашего суждения.

Сознание – предмет чрезвычайно своеобразный. Оно дискретно по своей природе. Одна пятая или одна третья, возможно, даже одна вторая часть нашей жизни протекает в бессознательном состоянии. Полностью бессознательно раннее детство человека. Каждую ночь мы погружаемся в бессознательное, и только в периоды между просыпанием и сном более или менее ощущаем себя в сознательном состоянии. До некоторой степени является проблематичным и сам факт ясности или уровня сознания. Предполагается, к примеру, что десятилетний мальчик или девочка обладают сознанием, но легко можно доказать, что здесь налицо специфический вид сознания, сознания, в котором рефлексия своего Я может не участвовать; сознание Эго отсутствует. Мне известен ряд случаев у детей от одиннадцати до четырнадцати лет и старше, внезапно осознавших: «Я есть». Впервые в жизни они стали сознавать, что переживают нечто, и именно как *Они*; оглядываясь при этом назад, в прошлое, наполненное столькими событиями и вещами, они тем не менее себя в этом прошлом вспомнить не могут.

Необходимо допустить, что когда мы говорим Я, то при этом не имеем абсолютного критерия для оценки полноты переживания этого Я. Посему так и случается, что наше представление об Эго весьма фрагментарно, и лишь постепенно, во времени люди узнают все больше и больше о том, что же Эго означает для человека. Фактически процесс узнавания не имеет конца, длится всю жизнь; во всяком случае, мы сами момент конца не фиксируем.

Сознание похоже на поверхность или оболочку в обширнейшем бессознательном пространстве с его неведомыми глубинами. Мы не знаем, как далеко простирается власть бессознательного, потому что просто ничего о нем не знаем. Что можно сказать о вещи, о которой ничего не знаешь? Сказать нечего. Когда мы говорим «бессознательное», то часто предполагаем нечто обозначить этим термином, но фактически передаем, что ничего об этом не знаем. У нас есть только непрямые доказательства того, что существует ментальная сфера, пребы-

вающая по ту сторону сознания. Есть некоторые научные суждения, приводящие к заключению, что нечто подобное существует. На основе анализа продуктов или результатов бессознательного психического можно прийти к определенным заключениям относительно его возможной природы. Но необходимо быть крайне осторожным, чтобы не впасть в излишний антропоморфизм в своих заключениях, ибо в действительности вещи могут весьма отличаться от представлений о них в нашем сознании.

Если, к примеру, мы видим цвета и слышим звуки, то в действительности это – осцилляции, колебания. По существу, нам необходимо иметь лабораторию со сложными устройствами для того, чтобы выстроить картину мира, существующего независимо от наших ощущений и от нашей психики. И, я полагаю, сходным образом обстоит дело и с нашим бессознательным: необходима лаборатория, в которой должно обосновывать объективные методы по оценке действительного положения вещей, составляющих контекст бессознательного.

Кроме того, сознание характеризуется известной узостью. Оно способно нести в себе весьма малое содержание в каждый конкретный момент. Все прочее оказывается бессознательным. Мы получаем ощущение непрерывности или общего понимания, или осведомленности об осознаваемом мире только через последовательность сознательных моментов. Мы не способны удержать целостный образ, потому что сознание слишком узко, и видим только вспышки существования. Мы словно наблюдаем мир через узкую щель и видим отдельные моменты, все остальное пребывает в темноте и неизвестности. Внешнее пространство всегда громадно и непрерывно, в то время как пространство сознания – ограниченное поле моментального видения.

Сознание – в значительной степени продукт восприятия и ориентации во внешнем мире. Возможно, что оно локализуется в головном мозге, имеющем по своей природе эктодермическое происхождение и, вероятно, связанном с чувствительностью кожи во времена наших далеких предков. Сознание произошло от этой локализации в мозге, в силу чего сохранило качество ощущения и ориентации. Знаменателен тот факт, что французские и английские психологи XVII и XVIII столетий пытались вывести сознание из ощущений, т. е. представить себе его целиком состоящим из чувственных данных. Это выразилось в известной формуле: «Нет ничего в разуме, что до того не присутствовало бы в ощущениях». Сходное можно обнаружить и в современных теориях. Фрейд, к примеру, не выводит сознания из чувственных данных, но выводит бессознательное из сознания, оставаясь на той же самой позиции рационализма.

Я ставлю вопрос иначе и говорю, что возникающая в сознании вещь вначале с очевидностью не осознается и осознание ее вытекает из неосознанного состояния. В раннем детстве мы все бессознательны; большинство главных функций инстинктивной природы протекает бессознательно, и сознание – скорее всего, продукт бессознательного. Сознание требует для своего поддержания значительного усилия. Человек устает от пребывания в сознательном состоянии. Он истощается сознанием. Когда наблюдаешь представителей примитивных народов, то можно заметить, что при малейшем раздражении, выводящем их из дремоты, они стараются ускользнуть. Могут сидеть часами неподвижно, когда же их спрашиваешь: «А что вы делаете? О чем думаете?» – они обижаются и говорят: «Только сумасшедшие думают – они держат мысли в своей голове. Мы не думаем». Если же они вообще думают, то скорее животом или сердцем. Представители некоторых негритянских племен уверяют, что мысли находятся в желудке, потому что они осознают только те мысли, которые что-либо телесно беспокоят: печень, почки или желудок. Другими словами, они осознают только эмоциональные мысли. Эмоции и аффекты всегда сопровождаются явными физиологическими иннервациями.

Индейцы пуэбло говорили мне, что все американцы сумасшедшие; и, разумеется, я, несколько удивившись, спросил почему. «Потому что они говорят, будто думают головой. Нормальный здоровый человек не думает головой, мы думаем сердцем». Они как бы пребывают в гомеровской эпохе, когда диафрагма считалась центром психической активности. Это означает психическую локализацию иной природы. Наше понятие о сознании предполагает, что мысль концентрируется в почтенной голове. Но индейцы пуэбло определяют сознание на основе чувственной интенсивности. Абстрактная мысль для них не существует. Они поклоняются солнцу, и я немного поспорил с ними, приведя слова св. Августина о том, что Бог не есть солнце, но тот, кто сделал солнце. Они не могли принять подобной мысли, так как дальше своих ощущений и чувств пойти не могли. Вот почему их сознание и мысли концентрируются в сердце. Мы в свою очередь психическую активность никак к источнику не адресуем и стоим на том, что сны и фантазии локализуются непосредственно «там внизу», что дает возможность говорить о *под*--сознании, подсознательном разуме, о вещах, располагающихся *ниже* сознания.

Эти своеобразные локализации играют большую роль в так называемых первобытных психологиях, которые ни в коей мере не следует считать первобытными. К примеру, изучая тантрическую йогу или индусскую психологию, вы найдете наиболее сложно разработанные системы психических пластов, локализаций сознания вверх от области промежности до вершины головы. Эти центры, так называемые *чакры*, можно найти не только в предписаниях и текстах йоги – весьма сходные идеи обнаруживаются в древних немецких алхимических книгах, явно не имеющих ничего общего с йогой.

Важным фактом в области изучения сознания является то обстоятельство, что ничто не может быть осознано без Эго, к которому стекается весь информационный поток. Если «нечто» не связано с Эго, то это «нечто» и не осознается. Поэтому сознание можно определить как связь психических факторов с Эго. Что же такое Эго? Это комплекс данных, сконструированный прежде всего общей осведомленностью относительно своего тела, своего существования и затем данными памяти; у человека есть определенная идея о своем прошлом бытии, определенная последовательность воспоминаний. Это и есть две главные составляющие феномена, именуемого Эго. Поэтому Эго можно назвать комплексом психических факторов. Этот комплекс обладает огромной энергией притяжения, как магнит; он притягивает содержания из бессознательного, из этой темной неведомой области; он также притягивает впечатления извне, и когда они входят в связь с Эго, то осознаются. Если же не входят, то осознания не происходит.

Моя идея заключается в том, что Эго – это своего рода комплекс, который мы в себе заботливо возвращаем. Он всегда в центре нашего внимания и наших желаний, он – центр нашего сознания. Если Эго расщепляется, как это случается при шизофрении, то рушатся все моральные критерии, теряется возможность сознательно воспроизводить действия, так как центр расщеплен и определенные части психического обращаются к одному фрагменту Эго, а остальные – к другому. Именно поэтому при шизофрении вы часто можете наблюдать быструю трансформацию из одной личности в другую.

В сознании можно различить ряд функций. Функции обеспечивают сознание возможностью получать ориентиры из области эктопсихических и эндопсихических факторов. То, что я понимаю под эктопсихикой, есть система связей между содержанием сознания и данными, идущими из внешней среды. Это система ориентации, которая имеет дело с внешними фактами, получаемыми мною посредством органов чувств. Эктопсихика – это система связей между содержаниями сознания и постулируемыми процессами в бессознательном.

Прежде всего мы коснемся эктопсихических функций.

А. Ощущения. Под ощущением я понимаю то, что французские психологи называют «la fonction du geel», что составляет результат моей осведомленности о внешних фактах,

получаемых через функции моего сознания. Я думаю, что французский термин наиболее исчерпывающий. Ощущения говорят мне, что нечто *есть*; они не говорят, *что* это, но свидетельствуют, что это нечто присутствует.

Б. Мышление. Мышление, если спросить философа, представляет собой что-то очень сложное, поэтому лучше его об этом никогда не спрашивать. Философ – единственный человек, который не знает, что такое мышление. Все прочие знают. Когда вы говорите человеку: «А теперь давай подумаем», – он точно знает, что имеется в виду. Философ же никогда не знает. Мышление в своей простейшей форме говорит, *что* есть присутствующая вещь. Оно дает имя вещи и вводит понятие, ибо мышление есть восприятие и суждение. (Немецкая психология называет это апперцепцией.)

В. Чувство. Обычно многие мыслящие люди смущаются, а иногда и сердятся, когда я начинаю размышлять о чувстве, вероятно, потому, что, по их мнению, я говорю при этом ужасные вещи. Чувство с помощью определенной тональности информирует нас о *ценности* вещей. Оно говорит субъекту, что тот или иной предмет стоит для него, какую ценность он представляет. В согласии с этим феноменом невозможно воспринять или помыслить о чем-либо без определенной чувственной реакции. Субъект всегда находится в состоянии определенного чувственного настроения, которое можно легко продемонстрировать в эксперименте. Что касается «ужасной вещи» относительно чувства, так это то, что оно, как и мышление, – функция *рациональная*. При этом все мыслящие люди абсолютно убеждены, что, напротив, чувство в высшей степени иррационально. Я могу только добавить: потерпите немного и установите для себя тот факт, что человек не может быть совершенен во всех психических проявлениях. И если человек более совершенен в мышлении, то ему явно недостает чувственности; эти две функции мешают друг другу, и каждая притормаживает другую. Поэтому, скажем, если вы желаете размышлять бесстрастным образом – научно или философски, то должны избавиться от каких-либо чувственных оценок. Очевидно, что пара объектов, рассмотренных с чувственной точки зрения, будет различаться не только *фактически*, но и в *ценностном* отношении. Оценки не являются якорями для интеллекта, но они существуют, реализуясь как важная психологическая функция. И если вы хотите иметь полную картину мира, то необходимо принять во внимание и оценки. Если этого не сделать, то есть риск попасть в беду. Многие люди рассматривают чувство как наиболее иррациональное психическое явление. Поэтому каждый убежден, особенно в Англии, что следует контролировать свои чувства. Я вполне согласен с тем, что это хорошая привычка, и восхищаюсь этой способностью англичан. Но чувства все же существуют: я видел людей, которые великолепно управляют своими чувствами, и тем не менее последние их ужасно беспокоят.

Г. Интуиция. Ощущения говорят нам, что *Нечто* существует. Мышление определяет это *Нечто*. Чувство информирует нас о его ценности. Предположим, имеется полная картина мира, когда человек знает, что вещь существует, что это за вещь, насколько она ценна. Но есть еще другая категория – время. Вещи имеют свое прошлое и будущее. Они откуда-то появляются, куда-то убывают, и трудно с уверенностью сказать, откуда они возникли и куда скроются; и все же при этом у человека есть некое чувство, которое американцы называют предчувствием. Допустим, вы связаны с продажей антиквариата, и у вас появляется предчувствие, что некий предмет изготовлен прекрасным мастером в 1720 году, у вас предчувствие, что это хорошая работа. Или, положим, вы не предполагаете, что будет с вашими акциями, но у вас есть предчувствие, что они поднимутся. Это интуиция, мистическое свойство, некий чудный дар. Например, вы знаете, что у вашего пациента есть какое-то болезненное воспоминание, но вот вам «приходит в голову», у вас «возникает определенное чувство». Мы говорим так, потому что обычный язык не имеет подходящих определений. Слово «интуиция» становится все более употребительным в английском языке. Немцы же не могут почувствовать лингвистической разницы между «ощущением» и «чувством». Иначе

во французском: вы можете сказать, что у вас некоторые «*sentiment dans l'estomac*», или вы скажете «*sensation*». У англичан существует различие, но они с легкостью могут спутать «*feeling*» и «*intuition*». Поэтому я предпринял здесь такое почти искусственное разграничение, хотя с практической точки зрения оно необходимо в научном языке. Употребляя термин, мы должны определить его значение, в противном случае мы будем говорить на непонятном языке, а для психологии это просто несчастье. В повседневной жизни, когда человек говорит «чувство», он может подразумевать нечто полностью противоположное, нежели другой, говорящий о том же. Некоторые психологи, используя понятие «чувство», определяют его как «ущербную», «хромую» мысль. Определение «чувство есть не что иное, как незаконченная мысль» принадлежит известному ученому. Но чувство – это нечто подлинное, реальное, это функция, и поэтому у нас есть слово для его обозначения. Инстинктивный природный разум всегда находит слова для обозначения реально существующих вещей. Только психологи изобретают слова для несуществующих предметов.

Многим интуиция покажется чем-то весьма таинственным; кстати, обо мне некоторые говорят, что я очень мистичен. В этом смысле интуиция – одна из составляющих моего мистицизма. Данная функция позволяет видеть круглые углы, воспроизвести которые обычному человеку невозможно, однако есть специалисты по этой части. Живя в четырех стенах и выполняя рутинную работу, к интуиции не прибегают, но она очень нужна, скажем, при охоте на носорогов или тигров в Африке. Предчувствие в таком деле часто стоит жизни. Интуицией пользуются изобретатели и судьи. Там, где бессильны понятия и оценки, мы целиком зависим от дара интуиции.

Добавлю еще, что интуиция есть особый вид восприятия, которое не ограничивается органами чувств, а проходит через всю сферу бессознательного. Но здесь я вынужден остановиться и сказать: «Как действует эта функция, я не знаю». Я не знаю, что происходит, когда человек знает то, что он определенно знать не может. Я не знаю, как это у него получается, но получается неплохо, и он в состоянии действовать. Так, «вещие» сны, феномен телепатии и прочие подобные вещи – это проявление интуиции. Я наблюдал их и убежден в том, что они существуют. Вы можете наблюдать их у первобытных племен. Вы можете их наблюдать, если внимательны к процессам, которые как-то работают через подсознание, поскольку чувственное восприятие настолько слабо, что наше сознание не может получить их. Иногда, например в случае *cryptomnesia*², что-то подкрадывается к вашему сознанию: вы улавливаете намек, но до того, как вы его получите, это всегда что-то бессознательное, будто «свалившееся с небес». Немцы называют это *Einfall*, что означает вещь, пришедшую вам в голову из «ниоткуда». Это похоже на откровение. Действительно, интуиция – природная, естественная функция, совершенно нормальное и необходимое явление для компенсации того, что вы не можете ощутить, почувствовать или осмыслить из-за недостатка реальности. Видите ли, прошлое уже не реально, а будущее не так реально, как мы думаем. Поэтому мы должны благодарить небеса за такую функцию, которая проливает некоторый свет на окружающие нас вещи. Врачи, часто сталкиваясь с незнакомыми ситуациями, тоже нуждаются в развитой интуиции. Множество верных диагнозов ставится благодаря этой таинственной функции.

Психологические функции обычно контролируются волей, во всяком случае, мы надеемся, что это так, потому что боимся всего, что «само по себе». Когда же функции контролируются, их можно подавлять, отбирать, усиливать, они могут направляться волей, умыслом. Однако функции могут действовать и произвольно – думать, чувствовать за вас, так что вы даже не сможете остановить их. Или же они действуют бессознательно, вы не догадываетесь об этом, хотя перед вами может предстать результат чувственного процесса. «Просто

² Потаенная память, т. е. память, скрытая от самого ее носителя (*лат.*).

вы были раздражены и поэтому отреагировали именно так». Положим, вы настолько бессознательны, что чувствовали именно так; тем не менее это наиболее вероятная реакция. Психологические функции, как и чувственные, обладают специфической энергией. Вы не можете избавиться от чувств, мыслей. Никто не может сказать: «Я не буду думать», – несомненно, он думать будет. Нельзя сказать: «Я не буду чувствовать», – люди чувствуют благодаря выражению специфической энергии, заключенной в каждой функции, энергии, которая не может видоизменяться.

Конечно, можно иметь предпочтения. Мыслящие люди предпочитают думать и адаптируются таким путем. Другие, у которых развита чувственная функция, общительны, для них важны моральные критерии, они великолепно режиссируют чувственные ситуации и живут ими. Человек наблюдательный будет использовать главным образом функцию ощущения и т. д. Доминирующая функция определяет в индивидуе его собственный психологический тип. Например, если человек пользуется в основном своим интеллектом, его можно отнести к так называемому «безошибочному» типу. Отсюда мы можем проследить местоположение чувства в структуре психики: когда мышление – доминантная функция, чувство неизменно занимает подчиненное положение. То же правило применимо к трем другим функциям. Я объясню это с помощью диаграммы.

Расположим функции крестообразно (рис. 1). В центре поместим Эго (E), которое обладает определенной энергией. Эта энергия и есть сила воли. В случае мыслительного типа эта сила может быть направлена к мышлению (Т). Тогда мы должны расположить *чувства* (F) внизу, под Т, поскольку в этом случае F – подчиненная функция. Это следует из того, что когда вы думаете, то должны исключить чувства, и наоборот. Когда вы думаете, оставьте ваши чувства и чувственные оценки. Чувства наиболее разрушительны для ваших мыслей. Эти две функции отрицают друг друга.

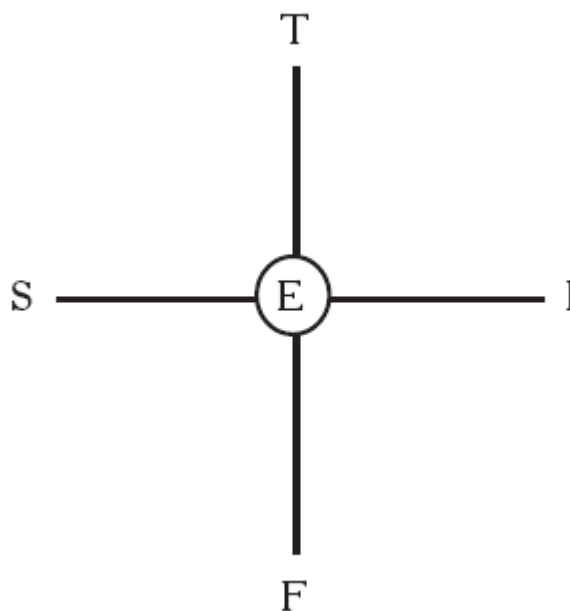

Рис. 1. Функции

То же происходит с ощущением (B) и интуицией (I). Наблюдая за человеком в режиме ощущения, вы заметите, что его особенностью является концентрация взгляда на каком-нибудь предмете, точке. Если же вы проследите за выражением глаз человека интуитивного

типа, то поймете – он не смотрит, он окидывает взглядом предметы в поле своего зрения, выбирая один. Это и есть предчувствие. Обладая интуицией, вы обычно не вдаётесь в детали, стараясь воспринять ситуацию в целом, и тогда внезапно нечто вырисовывается из этого целого. Если же ваша основная функция – ощущения, вы будете лишены интуиции только потому, что нельзя делать два дела одновременно. Это достаточно сложно, поскольку принцип одной функции исключает действие другой. Именно поэтому я и расположил их друг напротив друга.

Итак, с помощью этой простой диаграммы вы можете прийти к важным выводам, касающимся сознания конкретного человека. Например, если вы находите, что его мышление высоко дифференцировано, то оказывается, что чувства недифференцированы. Что это значит? Означает ли это, что у таких людей нет чувств? Напротив. Они говорят: «У меня сильные чувства. Я переполнен эмоциями. Я темпераментен». Эти люди во власти своих эмоций, они пойманы эмоциями. Если вы, к примеру, изучаете частную жизнь интеллектуала и хотите знать о его поведении дома, спросите об этом его жену – она сможет рассказать вам презабавные истории!

Человек чувствующего типа в естественном состоянии никогда не будет утруждать себя мыслью. Мышление возникает как следствие невротизирующего воздействия; в этом случае оно носит навязчивый характер. Наш герой остается в норме, но его переполняют необычайные идеи и убеждения. Мышление захватило его и подчинило себе, и он не может выпутаться из этого, поскольку его мысли неподвижны. С другой стороны, интеллектуал, охваченный своими чувствами, говорит: «Я просто это чувствую», – и ему трудно возразить. Но, когда он полностью погружен в свои эмоции, возникает вопрос: сможет ли он отсюда выбраться? Он не сможет до конца оправдать свои чувства; если же это ему удастся, он ощутит собственную неполноценность.

Подобное происходит с людьми, относящимися к интуитивному типу и типу *ощущающему*. Человек интуитивного типа всегда озабочен сущностью вещей; он обманывается в своих представлениях о реальности, не использует предоставляемых ему возможностей. Это человек, который возделывает поле и, не дождавшись созревшего урожая, переходит на другое. За ним остается возделанное поле, впереди – новые надежды, но из всего этого ничего не выходит. Люди ощущающего типа всегда остаются в данной реальности. Для них истинно то, что реально. Помните, что означает реальное для интуитивного типа: это неправда, этого не будет, будет что-то другое. Когда же ощущающий тип не имеет своей реальности – четырех стен, в которых он может жить, – он болен. Дайте четыре стены представителю интуитивного типа, и единственное, что будет занимать его, – как отсюда выбраться. Для него любая обусловленная ситуация – это тюрьма, из которой необходимо в кратчайший срок выйти навстречу новым возможностям.

Эти различия играют важную роль в практической психологии. Не думайте, что я раскладываю людей по полочкам, определяя: «Это интуитивный тип, а это мыслительный». Меня часто спрашивают: «Не относится ли такой-то к мыслительному типу?» И я отвечаю, что никогда об этом не думал, и это действительно так. Не имеет смысла навешивать ярлыки, однако, когда у вас есть большой эмпирический материал, необходимы упорядоченные принципы для его классификации. Без преувеличения скажу, что для меня крайне важно привести материал в порядок. Это особенно может пригодиться, когда вы представляете кому-либо смущенных, обеспокоенных пациентов или объясняете жене поведение мужа (и наоборот). Всегда полезно иметь такие объективные критерии, в противном случае все остается на уровне «он сказал – она сказала».

Как правило, подчиненная функция не обладает свойствами, присущими сознательной дифференцированной функции. Последняя обычно регулируется намерением и волей. Если вы настоящий мыслитель, вы в состоянии направлять ваше мышление волей, вы можете

контролировать ваши мысли, говоря себе: «Я могу думать иначе, думать обратное». Человек чувствующего типа никогда не сделает так, поскольку не может отделаться от своих мыслей. Мысли владеют им, прельщают его, и он боится их. Его чувства архаичны, и он сам, как древний человек, – беспомощная жертва своих эмоций. Именно по этой причине первобытный человек старался не тревожить чувств своих соплеменников – это было опасно. Многие наши обычаи объясняются такой «архаичной учтивостью»: не принято, обмениваясь рукопожатием, держать другую руку в кармане или за спиной. Вы должны показать, что в ваших руках нет оружия. Восточное приветствие, поклон с воздетыми кверху руками, означает то же. Преклоняясь к ногам другого, вы показываете свою полную незащищенность и полную веру в него. Изучая поведенческие символы первобытных народов, вы поймете их страх перед соплеменниками. Мы боимся своих подчиненных функций. Представьте типичного интеллектуала, который боится влюбиться. Вам его страх покажется глупым, но, скорее всего, он прав. Где гарантия того, что, влюбившись, он не наделает глупостей. И он наверняка окажется в ловушке, его чувства среагируют именно на архаичный или опасный тип женщин. Именно поэтому интеллектуалы склонны вступать в неравный брак. Они не подозревают о своих архаических чувствах, и их часто ловят квартирные хозяйки или кухарки. Драма скрыта в их чувствах. Они не боятся сражаться с помощью интеллекта, но в том, что касается чувств, их легко победить, обвести вокруг пальца, и они это знают. Поэтому никогда не «давите» на чувства человека, если он интеллектуал. Он готов к опасности и контролирует ситуацию.

Этот закон применим ко всем другим случаям. Подчиненная функция всегда ассоциируется в нас с архаической личностью. В этой функции мы всегда – первобытные люди. В дифференцированных функциях мы цивилизованны, предположительно обладаем свободой выбора. Ничего подобного нет в функциях подчиненных. Здесь у нас есть лишь открытая рана или, по крайней мере, открытая дверь, сквозь которую может проникнуть все, что угодно.

Теперь рассмотрим эндопсихические функции сознания. Функции, о которых я сказал выше, управляют нашей сознательной ориентацией или помогают ей во взаимоотношениях с внешней средой; но они неприменимы в отношении вещей, составляющих нижнюю область Эго. Эго – это всего лишь кусочек сознания, плавающий в океане темных вещей. Эти темные вещи суть внутренние вещи. На внутренней стороне находится пласт психических событий, формирующих нечто вроде края, каймы сознания вокруг Эго. Проиллюстрируем это на рисунке 2.

Предположим, что AA' является порогом сознания, тогда D будет областью сознания, относимой к эндопсихическому миру B – миру, управляемому функциями, о которых мы только что говорили. С другой стороны, в C находится *мир теней*. Там Эго отчасти темное, мы не можем заглянуть в него, мы загадка для самих себя. Мы знаем Эго только в D , но не в C . Поэтому всегда обнаруживаем в себе что-то новое. Мы часто думаем, что открывать дальше уже нечего, но это вовсе не так. Обнаруживая в себе одно, другое, третье и т. д., мы приобретаем удивительный опыт. Он показывает, что часть нашей личности (неосознанной) находится в стадии становления; мы не закончены, следовательно, растем и изменяемся. При этом, однако, та будущая личность, которая возникнет, положим, через год, уже здесь, только пока еще она в тени. Эго, таким образом, напоминает движущийся кадр фильма. Будущая личность еще не видна, но движение происходит, и в настоящем мы строим будущее бытие. Потенциалы, заложенные в личности, принадлежат темной стороне Эго.

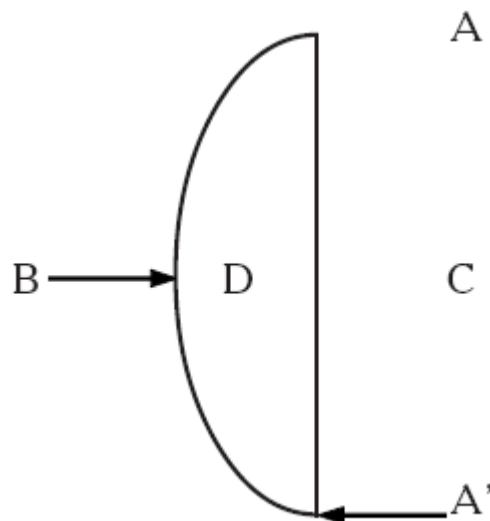

Рис. 2. Эго

Поэтому первая функция эндopsихической стороны – *память*. Функция памяти, или воспроизведения, связывает нас с вещами, ставшими подсознательными – подавленными, вытесненными или отброшенными. То, что мы называем памятью, – это дар и способность репродуцировать бессознательные содержания, и это – главная функция, ясно различимая во взаимосвязи между нашим сознанием и содержаниями, которые в действительности не существуют перед нашим взором.

Следующая эндopsихическая функция несколько сложнее для понимания. Здесь нам приходится погружаться в глубину, так как мы подходим к темной области. Сначала назовем само понятие: *субъективные компоненты сознательных функций*. Поясню. Когда вы встречаете какого-либо человека, которого до того не видели, то, естественно, что-то о нем думаете. И не всегда думаете то, что можно было бы сказать ему тотчас же; возможно даже, то, что вы думаете, неверно и в действительности не имеет места. Ясно, что налицо субъективная реакция.

Подобное может происходить с любыми объектами и ситуациями. Любое действие сознательной функции, каков бы ни был объект, всегда сопровождается субъективными реакциями, в той или иной степени неоправданными, несправедливыми и неточными. Нечто подобное каждый отмечал в самом себе, и, вероятно, каждый предпочел бы не оказаться субъектом такого переживания. Поэтому человек предпочитает оставлять такие размышления в тени: это помогает утверждать собственную безупречность, честность и прямоту. Реакции подобного рода я называю субъективными компонентами. Последние являются важной составляющей во взаимоотношении с внутренней стороной Эго и весьма болезненны. Поэтому мы не любим вторгаться в мир Тени. Человек не любит созерцать тень самого себя, и в силу этого многие люди нашего цивилизованного общества стремятся избавиться от нее, потерять ее полностью. С потерей тени, как правило, утрачивается тело. Тело – друг сомнительный, так как производит вещи, которые нам не всегда нравятся; существует также ряд вещей, связанных с телом, о которых стремятся не упоминать. Само тело является персонификацией тени Эго. Иногда оно просто сущий скелет в шкафу, от которого каждый, естественно, хочет избавиться. Сказанного, вероятно, достаточно для пояснения понятия субъективных компонентов. Как правило, это некоторая предрасположенность

действовать определенным образом, и часто такая предопределенность носит недоброжелательный характер.

Из этого правила есть только одно исключение: люди, которые вечно попадают впроак, постоянно оказываются причиной беспокойства для других, поскольку они живут своей собственной тенью, своей собственной противоположностью. Это те самые люди, которые вечно опаздывают на концерт или на лекцию и, являясь ко всему прочему весьма скромными, не желая тревожить других, прокрадываются в самый конец зала, по дороге задевая стул, и – о, ужас! – в результате ужасный шум и общее внимание окружающих.

Теперь мы подходим к третьему эндопсихическому компоненту – в этом случае уже трудно говорить о функции. О последней еще можно говорить в случае памяти, но даже и память лишь до определенной степени послушна воле и контролируема. Очень часто она крайне самоуправна и подобна строптивому коню. Бывает, что она просто отказывается работать. В этом смысле субъективные компоненты и реакции еще более неуправляемы. Но дело обстоит совсем плохо, когда мы имеем дело с эмоциями и аффектами. Тут становится ясно, что они никакие не функции, а просто события, потому что в эмоции, согласно значению английского слова «e-motion» – сдвигаться, вы сдвигаетесь прочь, вы выбрасываетесь, – благопристойное Эго регрессирует, отходит в сторону, и его место занимает нечто другое. Мы говорим: «В него вселился бес», или «Он вышел из себя», или «Что на него сегодня нашло?» – так как он напоминает человека, который одержим. Первобытный человек не скажет, что он сердит без меры; он говорит, что дух вошел в него и полностью изменил его. Нечто подобное случается с эмоциями. Вас что-то держит, вы больше не вы, и ваш самоконтроль сведен практически к нулю. Это и есть то состояние, когда внутренняя сторона психики человека овладевает им, чему он не в силах помешать. Конечно, он может сжать кулаки и сохранять спокойствие, тем не менее в данный момент им владеет тень.

Четвертый эндопсихический фактор я называю *инвазией*, или *вторжением*. Здесь господствует теневая сторона, сфера бессознательного, которая даже может нарушить условия существования сознания. Сознательный контроль в подобных случаях наименьший. Сюда относятся и те состояния человеческой жизни, которые необязательно называть патологическими, они патологичны лишь в старом смысле этого слова, когда патология означала науку страстей. Любой может лишиться сознания более или менее «нормальным» образом. Подобные вещи считаются совершенно естественными среди первобытных народов. Они, к примеру, говорят о дьяволе или духе, вошедшем в человека, или о его душе, покинувшей тело, – одной из его разных душ, часто насчитывающихся до шести. Когда душа покидает человека, он оказывается в неустойчивом состоянии, поскольку лишается себя и вынужден страдать от утраты. Подобное можно часто наблюдать и у пациентов-невротиков. Время от времени они вдруг теряют энергию, теряют себя. Этот феномен сам по себе не патологичен, но, если такие явления становятся привычными, мы вправе говорить о неврозе. Подобные вещи ведут к неврозам, однако у нормальных людей также бывают такие исключительные состояния. Наличие непреодолимых эмоций – это еще не патология, просто это нежелательно. Пограничные явления не патологичны, но могут привести к неврозу.

Обсуждение

Доктор Джеймс Хэдфилд:

В каком смысле вы употребляете слово «эмоция»? То, что вы называете «чувством», у нас многие считают эмоцией. Придаете ли вы понятию «эмоция» какое-то особое значение или же нет?

Профессор Юнг:

Хорошо, что вы задали этот вопрос, поскольку употребление слова «эмоция» связано со множеством ошибок и недоразумений. Естественно, каждый волен пользоваться словами по своему усмотрению, но в научном языке следует придерживаться четких разграничений, так, чтобы каждый понимал, о чем идет речь. Если вы помните, я определил «чувство» как функцию оценки и не связываю с ним никакого особого значения. Я считаю, что чувство является рациональной функцией, если оно дифференцировано. Когда же оно носит недифференцированный характер, что порой и случается, ему присущи архаические свойства, которые можно определить как «неразумные». Однако сознательное чувство – это рациональная функция, обеспечивающая различение ценностей.

Если вы изучаете эмоции, то обязательно заметите, что само слово «эмоциональный» применяется для описания состояний, характеризующихся физиологическими иннервациями. Поэтому эмоции до определенной степени поддаются измерению – не в психическом аспекте, а в своей физиологической части. Вам известна теория аффектов Джемса – Ланге³. Я рассматриваю эмоцию как аффект, эмоция – это то же самое, когда «нечто воздействует на вас». Это «нечто» вмешивается в вашу жизнь, что-то делает с вами. Эмоция – это такая вещь, которая уводит вас прочь. Вы оказываетесь выброшенными из самих себя, словно после взрыва. В тот же самый момент можно наблюдать и специфически выраженное физиологическое состояние. Вот тут-то налицо и различие: чувство не имеет физических или физиологических проявлений, в то время как эмоция характеризуется измененным физиологическим состоянием. Согласно теории аффектов Джемса-Ланге, вы действительно оказываетесь в эмоции лишь в том случае, если сами замечаете физиологическое изменение вашего состояния. Это наиболее заметно в ситуации, когда вы по логике событий должны разгневаться. Вы знаете, что сейчас рассердитесь, затем чувствуете, как кровь приливает к голове, и лишь тогда – но никак не раньше – вы действительно оказываетесь разгневанными. До этого вы всего лишь знаете, что сейчас разозлитесь, но, как только кровь ударяет в голову, вы оказываетесь во власти собственного гнева, ибо само тело начинает реагировать, и, поскольку вы осознаете, что возбуждены, вас это злит вдвойне. Теперь вы уже на самом деле охвачены эмоцией. А когда вы испытываете чувство, то сохраняете контроль. Вы вполне владеете ситуацией и можете сказать: «У меня замечательное чувство» или же: «.. отвратительное чувство по этому поводу». Все спокойно, ничего не происходит. Например, вы можете совершенно спокойно и вполне вежливо сообщить кому-то, что ненавидите его. Но если вы говорите об этом со злобой, значит, вы во власти эмоции. Спокойные слова не вызовут ни у вас, ни у вашего собеседника прилива эмоций. Эмоции чрезвычайно заразительны, они являются реальными носителями умственной инфекции. Например, если вы находитесь в толпе, охваченной эмоциональным возбуждением, то вряд ли сможете себе чем-то помочь – вами овладеет сходная эмоция. А вот чувства других людей вас совершенно не волнуют, поэтому неудивительно, что человек дифференцированного чувствующего типа обычно охлаждает ваш пыл, в то время как эмоциональная личность подогревает вас своей

³ Эта теория была независимо друг от друга разработана Уильямом Джемсом и датским физиологом Ланге, поэтому ее обычно связывают с именами обоих ученых.

непрерывной горячностью. Вы видите само пламя эмоции на его лице, это затрагивает вашу симпатическую систему, и вскоре нечто подобное происходит и с вами. С чувствами все иначе. Все ли понятно из того, что я сказал?

Доктор Генри В. Дикс:

Могу ли я в продолжение этого вопроса спросить, какова, на ваш взгляд, связь между аффектами и чувствами?

Профессор Юнг:

Все зависит от степени. Если для вас что-то чрезвычайно ценно, то в определенный момент это может перерасти в сильную эмоцию; и именно тогда, когда интенсивность, которая вызывает физиологическое возбуждение, достигнет определенной степени. Вероятно, все умственные процессы вызывают некоторые физиологические отклонения, которые, однако, столь незначительны, что у нас нет средств их обнаружить. А вот для измерения эмоций, по крайней мере их физиологического аспекта, у нас есть прекрасный метод, основанный на психогальваническом эффекте⁴. Эта теория была независимо друг от друга разработана Уильямом Джемсом и датским физиологом Ланге, поэтому ее обычно связывают с именами обоих ученых. Суть последнего состоит в том, что под влиянием эмоций падает электрическое сопротивление кожи. Под действием чувств этого не происходит. Приведу один пример. В бытность моей работы в клинике я со своим тогдашним профессором провел следующий эксперимент. Он отвечал на вопросы моего теста, будучи подключенным к аппарату, измеряющему психогальванический эффект. Я попросил его вообразить себе нечто крайне неприятное и весьма болезненное, то, о чем мне ничего неизвестно. Он это сделал. Он был прекрасно знаком с экспериментами подобного рода, к тому же наделен высокой способностью к концентрации; когда он фокусировал на чем-либо свое внимание, сопротивление кожи практически не изменялось, сила тока совершенно не увеличивалась. Затем у меня возникло некоторое предчувствие. В одно утро я заметил, что происходит нечто такое, что должно быть чертовски неприятно моему шефу. И я подумал: «Надо попробовать» – и попросту сказал ему: «Дело случайно не в том-то и том-то?» – и назвал одно имя. Мгновенно произошел всплеск эмоций. Это была эмоция, в то время как предшествующей реакцией было чувство.

Интересно, что истерическая боль не вызывает сужения зрачков и не сопровождается физиологическим возбуждением, хотя это весьма сильная боль. Но боль физическая обязательно вызывает сужение зрачков. Можно испытывать сильное чувство, и не будет никаких физиологических изменений, но как только такое изменение происходит, то вы уже не владеете собой, вы утрачиваете свою целостность, будучи выброшенными из собственного дома, и дом готов к тому, чтобы в него вселился дьявол.

Доктор Эрик Грэхэм Хоу:

Не можем ли мы сравнить эмоцию и чувство соответственно с волевым началом и познанием? Чувство соответствует познанию, а эмоция сопоставима с волевым усилием.

Профессор Юнг:

С философской точки зрения – да. У меня нет возражений.

Доктор Хоу:

Могу ли я сделать еще один краткий комментарий? Мне кажется, что четыре функции, упомянутые вами, – ощущение, мышление, чувство и интуиция – соответствуют одно-, двух-, трех- и четырехмерной классификации. Вы сами воспользовались словом «трехмерное» по отношению к человеческому телу; кроме того, вы сказали, что интуиция отличается

⁴ Jung C. G., Peterson F. Psychophysical Investigations with the Galvanometer and Pneumograph in Normal and Insane Individuals (1907); Jung C. G., Ricksher Ch. Further Investigations on the Galvanic Phenomenon and Respiration in Normal and Insane Individuals (1907). Обе работы вошли в книгу: Jung C. G. C. W., vol. 2.

от остальных трех функций тем, что включает в себя Время. Не следует ли из этого, что она соответствует четвертому измерению? В этом случае я полагаю, что «ощущение» соответствует одномерной, «перцептивное познание» – двумерной, «концептуальное познание», которое, возможно, соответствует вашему «чувству», – трехмерной, а «интуиция» – четырехмерной системе координат.

Профессор Юнг:

Это не лишено смысла. Поскольку интуиция иногда кажется функционирующей так, словно нет пространства, а иногда так, словно нет времени, то можно сказать, что я ввел своего рода четвертое измерение. Но не следует при этом заходить слишком далеко. Понятие четвертого измерения не дает новых фактов. Интуиция иногда напоминает «машину времени» Герберта Уэллса. Вспомните эту машину со специальным двигателем, которая, когда вы в нее усаживаетесь, перемещает вас во времени вместо того, чтобы переместить вас в пространстве. У нее четыре цилиндра, три из которых видны хорошо, а четвертый – весьма неотчетливо, ибо он представляет временной аспект. Я прошу меня извинить за, возможно, не слишком удачное сравнение, но интуиция в каком-то смысле подобна этому четвертому цилиндру. Существует такой феномен, как бессознательное восприятие, или восприятие, способы которого мы не осознаем. Имеется эмпирический материал, который подтверждает существование этой функции. Даже как-то неловко за такие вещи: мой интеллект хотел бы увидеть вселенную ярко очерченной, без каких бы то ни было темных закоулков, но космос полон подобных хитросплетений. И тем не менее в интуиции я не вижу ничего мистического. Можете ли вы, например, с полной ясностью ответить на вопрос, что заставляет некоторых птиц преодолевать огромнейшие расстояния, или объяснить поведение гусениц, бабочек, муравьев или термитов? Здесь возникает множество вопросов. Или взять хотя бы факт наибольшей плотности воды при температуре 4 °С. Почему происходит именно так? Почему энергия имеет квантовую природу? Имеет, и все, и пусть это смешно или глупо, но с этим ничего не поделаешь. Вспоминается старый, как мир, вопрос: «Почему Бог создал мух?» Просто создал, и все.

Доктор Уилфред Р. Байон:

Почему, проводя эксперимент с профессором, вы попросили его подумать о чем-то болезненном для него, а вам неизвестном? Как вы считаете, имеет ли какое-то значение тот факт, что при повторном эксперименте он понимал, что вам что-то известно о неприятном для него случае, и это обусловило различие в эмоциональной реакции, наблюдавшейся в двух описанных вами случаях?

Профессор Юнг:

Да, безусловно. Моя идея строилась на том, что для меня более приемлемо, если я уверен, что мой партнер ничего не знает; если же я знаю, что и ему об этом известно, это совсем другое дело, последнее было для меня неприемлемым. В жизни каждого врача есть такие неприятные случаи, о которых коллегам лучше не знать. Я был почти уверен, что он взорвется, как мина, как только я намекну ему о том, что я в курсе дела. И он действительно взорвался. Таковы мои соображения на этот счет.

Доктор Эрик Б. Штраус:

Не мог бы доктор Юнг пояснить, что он имеет в виду, когда называет чувство рациональной функцией? Еще я не совсем понял, что доктор Юнг подразумевает под чувством как таковым. Большинство из нас, употребляя термин «чувство», имеют в виду некоторые полярные качества типа удовольствия, боли, напряжения и расслабления. Далее, доктор Юнг считает, что различие между чувством и эмоцией заключается лишь в степени. Если дело всего лишь в степени, почему тогда он располагает их, так сказать, по разные стороны границы? И наконец, доктор Юнг считает, что одним из критериев или даже основным критерием является тот факт, что, в отличие от эмоций, чувство не сопровождается физиологическим

изменением. Как мне кажется, эксперименты, проведенные профессором Фрейдлихером⁵ из Берлина, ясно показали, что простые чувства (удовольствие, боль, напряжение и расслабление) на самом деле сопровождаются физиологическими изменениями; так, например, с помощью современной аппаратуры можно очень точно зарегистрировать сопутствующие чувствам изменения кровяного давления. *Профессор Юнг:*

Это правда, что чувства, если они носят эмоциональный характер, сопровождаются физиологическими изменениями; однако, безусловно, есть и такие чувства, которые не вызывают изменений в физиологическом состоянии. Эти чувства имеют не эмоциональную, а четко выраженную умственную природу. В этом и заключается различие, которое я провожу. Поскольку чувство является оценочной функцией, легко понять, что это вовсе не физиологическое состояние. Это может быть нечто столь же абстрактное, как и мышление. Вы ведь не считаете абстрактное мышление физиологическим состоянием. Термин «абстрактное мышление» говорит сам за себя. Дифференцированное мышление рационально; точно так же может быть рациональным и чувство, несмотря на тот факт, что многие люди вовлечены во всеобщую терминологическую путаницу.

Нам нужно найти какое-то слово для обозначения оценочной функции. В отличие от прочих термин «чувство» является вполне подходящим. Конечно, вы можете подобрать любое другое слово, необходимо лишь оговорить это особо. Я вовсе не возражал бы, если бы большинство мыслящих людей пришли к выводу о том, что «чувство» является неудачным наименованием данной функции. Если вы говорите, что предпочтительнее использовать другой термин, так будьте добры, найдите его, ибо факт остается фактом: оценочная функция существует, и поэтому мы должны ее как-то назвать. Обычно ощущение ценности передается словом «чувство». Однако я вовсе не намерен цепляться за термины. В этом отношении я абсолютно либерален. Просто, употребляя тот или иной термин, я всегда сначала даю определение того, что в данном случае имею в виду. Если кому-то хочется считать, что чувство – это эмоция или причина повышения кровяного давления, у меня нет возражений. Но я вкладываю в это слово иное значение. Если люди придут к выводу, что в предложенном мною значении употреблять слово «чувство» нельзя, я тоже не буду возражать. В немецком языке есть слова *Empfindung* и *Gefühl*. Если вы почитаете Гете или Шиллера, то заметите, что и поэты путают эти два понятия. Немецкие психологи уже давно настаивают на том, что слово *Empfindung* для обозначения чувства употреблять нельзя. Они предлагают называть словом *Gefühl* (чувство) оценочную функцию, а словом *Empfindung* – ощущение. В наши дни уже никто из психологов не скажет: «...чувства моих глаз, ушей или кожи». Люди, конечно, могут сказать, что их ухо или большой палец обладают чувствами, но в научном языке подобные выражения уже не используются. Если отождествлять эти два понятия, то можно было бы выразить словом *Empfindung* состояние высшей экзальтации, однако это будет похоже на то, как, например, француз скажет «*les sensations les plus nobles de l'amour*»⁶. Над ним будут смеяться. Это прозвучит шокирующей бессмыслицей!

Доктор Эдвард А. Беннет:

Вы считаете, что человек, страдающий маниакальной депрессией, осознает доминирующую функцию в период депрессии?

Профессор Юнг:

Я бы не сказал. Наблюдая случаи маниакальной депрессии, вы вполне можете обнаружить, что в маниакальной фазе превалирует одна функция, а в депрессивной – другая. Например, живые, мирные, сангвинистичные и добродушные люди в маниакальной фазе,

⁵ Возможно, это ошибка стенографиста: скорее всего, имеется в виду Якоб Фрейдлих, проводивший эксперименты с электрокардиограммами. См. его статью в *Deutsches Archiv für klinische Medizin* (Berlin), 177:4 (1934).

⁶ Благороднейшее ощущение любви (*франц.*)

ни о чем слишком не раздумывающие, внезапно становятся крайне задумчивыми, как только начинается депрессия, ими овладевают навязчивые мысли, и наоборот. Я знаю нескольких интеллектуалов, склонных к маниакальной депрессии. В маниакальной фазе они свободно мыслят, весьма продуктивно, ясно и абстрактно. Затем наступает депрессивная фаза, и у них появляются навязчивые чувства, их преследует ужасное настроение, именно настроение, а не мысли. Все это, конечно, психологические тонкости. Лучше всего наблюдать эти процессы у людей лет сорока или немного старше, которые долгое время вели специфически интеллектуальный образ жизни или же жили чувствами, ценностями, но внезапно все перевернулось с ног на голову. Есть целый ряд интересных случаев подобного рода. Имеются замечательные литературные иллюстрации, например, Ницше. Это наиболее впечатляющий пример психологической метаморфозы в среднем возрасте. В молодые годы стиль мышления Ницше – французский афористический, однако позднее, в возрасте тридцати восьми лет, при написании «Так говорил Заратустра» его охватило дионисийское неистовство, и он полностью отрицал все, что было написано раньше.

Доктор Беннет:

А меланхолия не экстравертна?

Профессор Юнг:

Так нельзя сказать, поскольку это вещи несоизмеримые. Сама по себе меланхолия может быть определена как интровертное состояние, но это вовсе не предпочтительная установка. Называя какого-то человека интровертом, вы имеете в виду, что он более склонен к интроверсии, но экстравертная сторона у него также присутствует. Всем нам присуще и то и другое, иначе мы вообще были бы не в состоянии приспособляться, влиять на окружающих и находились бы вне самих себя. Депрессия – это всегда интровертное состояние. Меланхолики погружаются в своего рода эмбриональное состояние, и поэтому у них можно обнаружить накопление специфических физических симптомов.

Доктор Мэри К. Лафф:

Поскольку профессор Юнг определил эмоцию как овладевающее индивидом навязчивое состояние, мне неясно, как он различает то, что называет «инвазией» (вторжением) и «аффектами».

Профессор Юнг:

Порой вы переживаете так называемые «патологические» эмоции, сталкиваясь при этом с весьма специфическими проявлениями этой эмоции – скажем, мыслями, которые вам никогда не приходили в голову; порой это ужасные мысли или фантазии. Например, некоторые люди, будучи сильно рассерженными, жаждут не просто мести или чего-то похожего, а переживают ужасные фантазии, планируя убийство своего врага, с отрезанием рук или ног и тому подобными жестокостями. Последнее не что иное, как вторжение фрагментов бессознательного, и если речь идет о совершенно патологической эмоции, то перед нами действительно состояние помутнения сознания: человек доходит до безумного бреда и делает совершенно безумные вещи. Это и есть инвазия. В принципе, это патология, но фантазии подобного рода не исключены и в пределах нормы. Я слышал иногда, как вполне невинные люди говорили: «Я разорву его на куски», и таких людей действительно посещают подобные кровавые фантазии; они и впрямь готовы «размозжить» голову своему противнику; им представляется, что они совершают то, что в спокойном состоянии просто называется метафорой. Когда эти фантазии оживают и люди начинают бояться самих себя, мы говорим об инвазии.

Доктор Лафф:

Может быть, это то, что вы называете психозом помраченного сознания?

Профессор Юнг:

Вообще это не обязательно должен быть психоз. И даже не обязательно, чтобы это была патология; подобное случается и с нормальными людьми, когда они оказываются во власти определенных эмоций. Однажды я пережил очень сильное землетрясение. Это случилось впервые в моей жизни. Я был попросту ошарашен мыслью о том, что земля не какая-то твердыня, а шкура гигантского животного, которое трясется подобно лошади. Эта мысль преследовала меня до тех пор, пока я не вспомнил, что точно так же объясняют землетрясение японцы: ворочается огромная саламандра, несущая на себе землю ⁷. Таким образом, я удовлетворился тем, что это была внезапно всплывшая в сознании архаическая идея. Подобное бытие кажется мне весьма примечательным, и я думаю, оно совсем не патологическое.

Доктор Бернард Д. Хэнди:

Не хочет ли профессор Юнг сказать, что аффект, как он его определил, вызван неким физиологическим состоянием, или же само это физиологическое изменение является результатом, так сказать, инвазии?

Профессор Юнг:

Вопрос о связи души с телом очень сложен. Вам известно, что согласно теории Джемса-Ланге аффект является результатом физиологического изменения. Ответ на вопрос, какой фактор является доминирующим – тело или дух, – всегда зависит от темперамента отвечающего. Те, кто в силу своего темперамента предпочитают теорию превосходства тела, скажут, что ментальные процессы являются эпифеноменами физиологической химии. (Например, Энгельс считал, что жизнь есть способ существования белковых тел.) Те же, кто больше верит в дух, скажут обратное: для них тело – лишь придаток разума, и причиной всего выступает дух. В действительности это философский вопрос, а поскольку я не философ, то никакого решения и не предлагаю. Из опыта мы знаем только то, что телесные и духовные процессы происходят совместно, но не совсем понятно, как именно. Наш жалкий разум не в состоянии помыслить тело и дух как единое целое; вероятно, это и есть одно целое, мы просто не можем себе этого представить. Современная физика столкнулась с аналогичными трудностями; достаточно посмотреть на то, что происходит со светом! Свет ведет себя то как вибрация или колебание, то как частица или корпускула. Потребовалась очень сложная математическая формула Луи де Бройля ⁸, для того чтобы человеческий разум смог осознать, что и колебания, и корпускулы суть наблюдаемые при различных условиях проявления одной и той же первичной реальности. Это положение трудно осмыслить, но вы вынуждены принять его как постулат.

Аналогичным образом неразрешимой проблемой является и так называемый психофизический параллелизм. Взять хотя бы для примера тифозную лихорадку с сопутствующими ей психологическими синдромами. Если вы ошибочно примете психический фактор за определяющий, это повлечет за собой несообразные выводы. Факты же таковы, что определенные физиологические состояния явно вызваны душевным расстройством, а другие не обусловлены, а лишь сопровождаются определенными психическими процессами. Тело и разум суть два аспекта единого живого бытия, и это все, что нам известно. Поскольку мы не в состоянии помыслить их вместе, я предпочитаю говорить, что эти две вещи случаются вместе неким чудесным образом. Для себя лично я создал термин, делающий это сосуществование наглядным; я предполагаю, что в мире активно действует определенный принцип синхронии, благодаря которому есть вещи, определенным образом совпадающие

⁷ Согласно японской легенде, большую часть Японии несет на себе гигантских размеров рыбколот – пашаги, и, если его потревожить, он начинает вертеть головой или хвостом, вызывая тем самым землетрясение. Данная тема широко представлена в японском искусстве.

⁸ Луи Виктор де Бройль – французский физик, лауреат Нобелевской премии в области физики за 1929 год, открыл волновой характер электронов. Вместо использованных Юнгом терминов «колебание» и «корпускула» сейчас более употребительны «волны» и «частицы».

и ведущие себя так, как если бы они были одним и тем же, хотя нам они представляются совершенно различными. Возможно, в один прекрасный день будет найден новый математический метод, который позволит доказать, что происходит нечто в этом роде, однако в настоящий момент я не могу сказать, что главенствует – разум или тело, или же они просто сосуществуют⁹.

Доктор Лоуренс Дж. Бэндит:

Мне не совсем понятно, в каких случаях инвазия становится патологической. Вы предположили в первой части вашего сообщения, что это происходит тогда, когда инвазия становится привычной. Чем же патологическая инвазия отличается от образов художественного вдохновения и творческих идей?

Профессор Юнг:

Между художественным вдохновением и инвазией нет абсолютно никакой разницы. Это одно и то же, и как раз поэтому я избегаю слова «патология». Я никогда не назову художественное вдохновение патологией, ибо, на мой взгляд, это совершенно нормальное состояние. В этом нет ничего плохого, ничего выходящего за пределы нормы. Вследствие этого я делаю исключение и для инвазии. К счастью, человек устроен так, что вдохновение приходит внезапно и не так часто, но все же приходит. И вот, поскольку ясно, что патологические явления происходят в принципе таким же образом, мы вынуждены где-то провести грань. Предположим, что вы все занимаетесь психиатрией; я рассказываю вам случай одного человека, и вы все уверены, что он душевнобольной. Однако я могу вам возразить, сказав, что, раз ему удалось мне все толком объяснить, раз у нас с ним возник контакт, он вовсе не сумасшедший. Сумасшествие – это весьма относительное понятие. Например, если негр ведет себя специфическим образом, мы говорим: «Ну что с него возьмешь, это же негр». Но, когда точно так же поступает белый человек, мы говорим: «Он с ума сошел», – ибо, на наш взгляд, белый человек так себя вести не может. От негра чего-то подобного уже ожидают, а от белого – нет. Быть сумасшедшим – это социальное понятие; для того чтобы распознать ментальные расстройства, мы пользуемся социальными мерками. Например, речь идет о каком-то своеобразном человеке, который ведет себя непредсказуемым образом и выдвигает странные идеи; случись ему жить в маленьком городке где-нибудь во Франции или в Швейцарии, про него скажут: «Оригинальный парень, один из самых оригинальных обитателей нашего местечка». Но окажись он на Харли Стрит¹⁰, и выяснится, что перед вами – безумец. Или другой пример: вы считаете человека оригинальным художником, но, если вдруг он станет работать кассиром в банке, у банка будут неприятности, и все сразу же скажут, что этот парень – полный идиот. Но все это чисто социальные соображения. Нечто подобное мы можем наблюдать в сумасшедших домах. Причина того, что больницы забиты до отказа, отнюдь не в абсолютном возрастании числа душевнобольных – мы просто перестали мириться с теми, кто не соответствует норме, хотя все же приходится признать, что сейчас сумасшедших больше, чем прежде. В юности я знал людей, которые, как я сейчас понимаю, были просто шизофрениками. Мы же говорили: «Дядюшка такой-то – большой оригинал». В моем родном городке было несколько слабоумных, но о них никогда никто не сказал: «Он полный осел» – или что-то в этом роде, а наоборот, говорили: «Он просто прелесть». Точно так же некоторых идиотов называют «кретинами» (это идет от французского «il est bon chretien»¹¹). Вряд ли к этому можно что-то добавить, разве что признать, что все они действительно добрые христиане.

⁹ См.: Jung C. G. Synchronicity: An Acausal Connecting Principle // Jung C. G. C.W., vol. 8. Рус. пер. – Юнг К. Г. Синхроничность. – М.-Киев, 1997.

¹⁰ «Harley Street» – улица в Лондоне, на которой расположены кабинеты преуспевающих врачей, поэтому данное сочетание имеет переносное значение: врачи, медицинская профессия.

¹¹ Он добрый христианин.

Председательствующий:

Дамы и господа, я считаю, что сегодня мы должны избавить профессора Юнга от дальнейших трудов и выразить ему глубокую благодарность.

Лекция II

Председательствующий (доктор Дж. Хэдфилд):

Дамы и господа! Вспоминая вчерашний вступительный панегирик доктору Юнгу, предвавший его выступление, я более чем уверен, что все присутствовавшие согласятся с правильностью высказанных здесь похвал и не усмотрят в них никакого преувеличения. В своей вечерней лекции доктор Юнг упоминал ряд функций человеческого разума, таких, как чувство, мышление, интуиция и ощущение, но несмотря на то, что он говорил нам, я не могу избавиться от ощущения, что у него самого все эти функции должны быть очень хорошо развиты. Кроме того, у меня есть подозрение, что все они связаны воедино в центре, ответственном за чувство юмора. Ничто не убеждает меня столь сильно в истинности какого-либо представления или гипотезы, как способность ее создателя взглянуть на собственное творение с юмором, а это именно то, что проделал доктор Юнг прошлым вечером. Сверхсерьезное отношение к любому предмету очень часто оборачивается неуверенностью человека и его обеспокоенностью по поводу истинности сообщаемого им.

Профессор Юнг:

Дамы и господа! Вчера мы рассмотрели функции сознания. Сегодня я хочу закончить с проблемой структуры психического. Обсуждение человеческого разума, целостной психической сферы будет неполным без учета существования бессознательных процессов.

Вчера я уже говорил о том, что у нас не может быть непосредственного контакта с бессознательными процессами, так как они для нас непостижимы. Бессознательное дает о себе знать только в своих продуктах, и нам остается лишь постулировать его как таковое на основании своеобразия этих продуктов; утверждать, что существует нечто стоящее у истоков их возникновения. Мы называем эту темную сферу бессознательным психическим.

Эктопсихические содержания сознания вытекают прежде всего из окружающей среды посредством чувственных данных. Существуют и другие источники, такие, как память и процессы суждения, иначе – субъективные компоненты. Последние относятся к эндопсихической сфере. Третьим источником осознанных содержаний является темная сфера разума – бессознательное. Мы приближаемся к ней благодаря свойствам эндопсихических функций, которые не контролируются волей. Эти функции – как раз то самое средство, благодаря которому бессознательное содержание достигает поверхности сознания.

Бессознательные процессы не фиксируются прямым наблюдением, но их продукты, переходящие через порог сознания, могут быть разделены на два класса. Первый содержит познаваемый материал сугубо личностного происхождения; эти программы являются индивидуальными приобретениями или результатами инстинктивных процессов, формирующих личность как целое. Далее следуют забытые или вытесненные содержания и творческие процессы, относительно которых ничего особенного сказать нельзя. У некоторых людей подобные процессы могут протекать осознанно. Есть люди, сознающие нечто не осознаваемое другими. Этот класс содержаний я называю подсознательным разумом или *личным* бессознательным, потому что, насколько можно судить, он всецело состоит из личностных элементов – элементов, составляющих человеческую личность как целое.

Есть и другой класс содержаний психики, по-видимому, неизвестного происхождения; все события из этого класса не имеют своего источника в отдельном индивидуе. Данные содержания имеют характерную особенность: они мифологичны по сути. Они принадлежат к типу, не воплощающему свойства отдельного разума или психического бытия человека, а именно к типу, несущему в себе свойства *всего человечества как некоего целого*. Когда я впервые столкнулся с подобными явлениями, то был несколько удивлен и, убедившись, что наследственными факторами их не объяснишь, решил, что разгадка кроется в расовых при-

знаках. Чтобы решить вопрос, я отправился в Соединенные Штаты и исследовал сны чистокровных негров, после чего, к великой радости, убедился, что искомые признаки ничего общего с так называемым кровным или расовым наследованием не имеют, как не имеют и личностного индивидуального происхождения. Они принадлежат человечеству в целом и, таким образом, являются коллективными по природе.

Эти коллективные паттерны, или типы, или образцы, я назвал *архетипами*, используя выражение Бл. Августина¹². Архетип означает *типос* (печать, отпечаток), определенное образование архаического характера, включающее равно как по форме, так и по содержанию *мифологические мотивы*. В чистом виде мифологические мотивы появляются в сказках, мифах, легендах и фольклоре. Некоторые из них хорошо известны: фигуры Героя, Спасителя, Дракона (всегда связанного с Героем, который должен его победить), Кита или Чудовища, проглатывающих Героя¹³. Вариацией мотива Героя и Дракона является катабазис, спуск в пещеру, в Некию. Вспомним Одиссею, где Улисс спускается в ад, чтобы испросить совета у ясновидящего Тиресия. Мотив Некии, подземного царства, обнаруживается повсеместно в античном мире и широко распространен во всех древних культурах по всему миру. Он выражает психологический механизм интроверсии сознательного разума в глубинные пласты бессознательной психики. Из этих пластов актуализируется содержание безличностного, мифологического характера, другими словами, архетипы, и поэтому я называю их безличностным или *коллективным бессознательным*.

Я понимаю, что даю здесь лишь слабый эскиз понятия о коллективном бессознательном, требующем отдельного рассмотрения, но хочу привести пример, иллюстрирующий символическую основу явления и технику разграничения специфики коллективного бессознательного и личностного. Когда я поехал в Америку исследовать бессознательные явления у негров, я считал, что все коллективные паттерны наследуются расовыми признаками либо являются «априорными категориями воображения», как их совершенно независимо от меня назвали французы Юбер и Мосс¹⁴. Один негр рассказал мне свой сон, в котором участвовала фигура человека, распятого на колесе. Нет смысла описывать весь сон, так как он не имеет отношения к разбираемой проблеме. Разумеется, он содержал личностный смысл, равно как и намеки на безличностные идеи, но нас здесь интересует только мотив. Это был малообразованный негр с юга с низким уровнем интеллекта. С наибольшей вероятностью можно было предположить, что исходя из христианской традиции, привитой неграм, он должен был увидеть человека, распятого на *кресте*, поскольку крест является символом личного опыта. Но образ человека, распятого на колесе, весьма необычен. Конечно, я не могу доказать, что по «счастливой» случайности он увидел нечто подобное на картине или услышал от кого-либо, но если ничего такого у него не было, то мы имеем дело с *архетипическим образом*, потому что распятие на колесе – мотив мифологический. Это древнее солнечное колесо, и распятие означает жертву богу-солнцу, чтобы умилостивить его, так как и человеческие жертвы, и жертвы животных издавна приносились в целях повышения плодородия земли, т. е. солнце-колесо – архаичная идея, древнейшая из существовавших когда-либо у религиозных людей. Ее следы можно обнаружить в мезолите и палеолите, в чем убеждают родезийские скульптуры. Как показывает современная наука, изобретение колеса относится к бронзовому веку; в палеолите колеса как такового еще не существовало (оно не было изобретено). Родезийское колесо-солнце по возрасту сродни самым ранним наскальным изображениям животных, таким, как, например, известное наскальное изображение носорога с птицами-клещедами, и поэтому является первым изображением, вероятно, архетипиче-

¹² См.: Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное // Юнг К. Г. Архетип и символ. – М., 1991.

¹³ Юнг К. Г. Символы трансформации. – М., 2000.

¹⁴ Hubert H., Mauss M. *Mélanges d'histoire des religions*. – Paris, 1909, p. XXIX.

ского образа солнца ¹⁵. Но этот образ не является натуралистическим изображением, так как он всегда разделен на четыре или восемь частей (рис. 3). Этот образ, разделенный круг, является символом, который можно обнаружить на протяжении всей истории человечества, а также и в снах наших современников. Можно предположить, что изобретение колеса началось с этого образа. Многие изобретения возникли из мифологических предчувствий и первобытных образов. К примеру, искусство алхимии – мать современной химии. Наш сознательный научный разум начался в колыбели бессознательного ума.

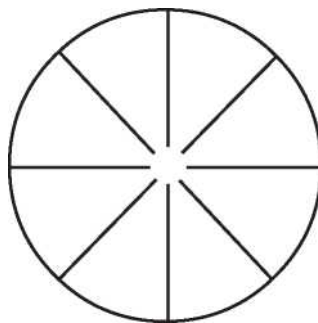

Рис. 3. Колесо-солнце

Человек на колесе в сновидении негра является повторением греческого мифологического мотива Иксиона, который за свою обиду на людей и богов был привязан Зевсом к беспрерывно вращающемуся колесу. Я привожу этот пример мифологического мотива во сне лишь для того, чтобы проиллюстрировать идею коллективного бессознательного. Один пример, разумеется, еще не доказательство. Но в данном случае нельзя предполагать, что негр изучал греческую мифологию, и исключается возможность того, что он мог видеть какие-либо изображения греческих мифологических фигур (тем более, что изображения Иксиона крайне редки).

Я мог бы предоставить вам убедительные и подробные доказательства существования этих мифологических структур в бессознательном. Но за недостатком времени я сначала раскрою вам значение сновидений и серий снов, а затем приведу все исторические параллели, символизм идей и образов которых мало знаком даже специалистам. Мне пришлось работать годы, собирая материал. Когда мы займемся техникой анализа сновидений, я более подробно остановлюсь на разборе мифологического материала, а сейчас лишь хочу предварительно заметить, что в слое бессознательного содержатся мифологические паттерны и что бессознательное формирует содержания, которые невозможно предписать индивиду и которые, более того, могут оказаться в крайнем противоречии с личностной психологией сновидца. Поразительными порой оказываются и детские сновидения, символика которых подчас поражает глубиной мысли настолько, что невольно воскликнешь: «Да как это возможно, чтобы ребенок мог такое увидеть во сне!»

В действительности все достаточно просто. Наш разум имеет свою историю, подобно тому как ее имеет наше тело. Возможно, кому-то и кажется удивительным, что у человека есть аппендикс. А знает ли он, что должен его иметь? Он просто рождается с ним, и все.

¹⁵ Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество // Юнг К. Г. Собр. соч. Т. 15. – М., 1992, пар. 150. Jung C. G. Psychology and Religion // Jung C. G. C. W., vol. 11, par.100; Jung C. G. Brother Klaus // Jung C. G. C. W., vol. 11, par.484. Данные о родезийском солнечном колесе не документированы, хотя подобные формы, высеченные в камне, обнаружены в Анголе и Южной Африке. Ср.: Willcox A. R. The Rock Art of South Africa. – Johannesburg, 1963, fig. 23 and pls. XXVII–XX. Датировка их появления весьма сомнительна. «Носорог с птицами-клещедами» происходит из Трансвааля, его изображение находится в музее Претории.

Миллионы людей не знают, что имеют зубную железу, однако она у них есть. Так и наше бессознательное, подобно телу, является хранилищем реликтов и воспоминаний о прошлом. Исследование структуры коллективного бессознательного может привести к таким открытиям, какие делаются и в сравнительной астрономии. Не следует думать, что здесь прячется что-то мистическое. Хотя стоит мне заговорить о коллективном бессознательном, как меня сразу же стараются обвинить в обскурантизме. А речь идет всего лишь о новой области науки, и допущение существования коллективных бессознательных процессов не противоречит здравому смыслу. Возьмем ребенка: он не рождается с готовым сознанием, но его разум не есть *tabula rasa*. У младенца функционирует определенно устроенный мозг, и мозг английского ребенка будет действовать не так, как у австралийца, а в контексте жизненных путей современного гражданина Англии. Сам мозг рождается с определенной структурой, работает современным образом, но этот же самый мозг имеет и свою историю. Он складывался в течение миллионов лет и содержит в себе историю, результатом которой и является. Естественно, что он функционирует со следами этой истории, так же как и тело, и если поискать в основах мозговой структуры, то можно обнаружить там следы архаического разума.

Идея коллективного бессознательного действительно очень проста. Если бы это было не так, можно было бы говорить о чуде. Но я вовсе не торгую чудесами, а исхожу из опыта. С моим опытом вы бы пришли к таким же выводам по поводу этих архаических мотивов. Случайно «вступив» в мифологию, я всего-навсего прочел больше книг, нежели, возможно, вы. Так вот однажды, когда я работал в клинике, там был пациент с диагнозом шизофрении и весьма своеобразными видениями. Он рассказал мне об этих видениях и предлагал при этом «взглянуть на них тоже». Чуть позже я натолкнулся на книгу одного исследователя из Германии (Albrecht Dieterich «Eine Mithras-liturgie»), опубликовавшего главу о магическом папирусе. Я прочел ее с большим интересом и на седьмой странице обнаружил видение моего лунатика «слово в слово». Это меня потрясло. Как могло случиться, чтобы мой клиент увидел подобное? И это был не просто один образ, а серия, причем в книге буквально все повторялось. Этот случай я описал в «Символах трансформации» (пар. 151 и далее).

Это поразительное совпадение и послужило для меня импульсом к дальнейшей работе. Вы, вероятно, незнакомы с книгой упомянутого мною профессора Дитериха. Однако, случись вам читать те же книги, что и мне, и наблюдать те же случаи, вы и сами пришли бы к идее коллективного бессознательного.

Наиболее глубоко лежащий слой, в который мы можем проникнуть в исследовании бессознательного, – это то место, где человек уже не является отчетливо выраженной индивидуальностью, но где его разум смешивается и расширяется до сферы общечеловеческого разума, не сознательного, а бессознательного, в котором мы все одинаковы. Подобно анатомической схожести тел, имеющих два глаза, два уха, одно сердце и т. д., с несущественными индивидуальными различиями, существует схожесть основ разумов. Это легко понять, изучая психологию первобытных людей. Наиболее ярким фактом в мышлении первобытного человека является отсутствие различия между индивидуумами, совпадение субъекта с объектом, мистическое соучастие, как определил Леви-Брюль¹⁶. Первобытное мышление выражает основную структуру нашего разума, тот психологический пласт, который в нас составляет коллективное бессознательное, тот низлежащий уровень, который одинаков у всех. Поскольку базовая структура мозга и разума одна и та же у всех, то функционирование на этом уровне не несет в себе каких-либо различий. И здесь мы не осознаем происходящего с вами или со мной. На низлежащем коллективном уровне царит целостность, и никакой анализ здесь невозможен. Если же вы начинаете думать о сопричастности как о факте, означающем, что в своей основе мы идентичны друг другу во всех своих проявлениях, то

¹⁶ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М., 1930.

неизбежно приходите к весьма специфическим теоретическим выводам. Дальнейшие рассуждения на этот счет нежелательны и даже таят в себе опасность. Но некоторые из этих выводов вы должны использовать на практике, поскольку они помогают в объяснении множества вещей, составляющих жизнь человека.

Я хочу подытожить сказанное, используя диаграмму (рис. 4). На первый взгляд изображенное здесь может показаться сложным, но, в сущности, все выглядит достаточно просто. Представьте, что наша ментальная сфера представляет подобие светящегося глобуса. Поверхность, из которой выходит свет, является доминирующей функцией личности. Если вы человек, адаптирующийся в окружающем мире главным образом с помощью мышления, то ваша поверхность и будет поверхностью мыслящего человека. Ведь вы осваиваете мир вещей и событий путем мышления, и, следовательно, то, что вы при этом демонстрируете, и есть ваше мышление. Если же вы принадлежите к другому типу, то налицо будет проявление другой функции¹⁷.

На диаграмме в качестве периферической функции выступает ощущение. С его помощью человек получает информацию о внешнем мире. Второй круг – мышление: на основании информации, полученной от органов чувств, человек дает предмету имя. Затем идет *чувство*, которое будет сопутствовать его наблюдениям. И наконец человек осознает, откуда берутся те или иные явления и что может произойти с ними в дальнейшем. Это *интуиция*, с помощью которой мы «видим в темной комнате». Эти четыре функции образуют эктопсихическую систему.

¹⁷ Общее описание типов и функций см.: Юнг К. Г. Психологические типы. – СПб., 1996, гл. X.

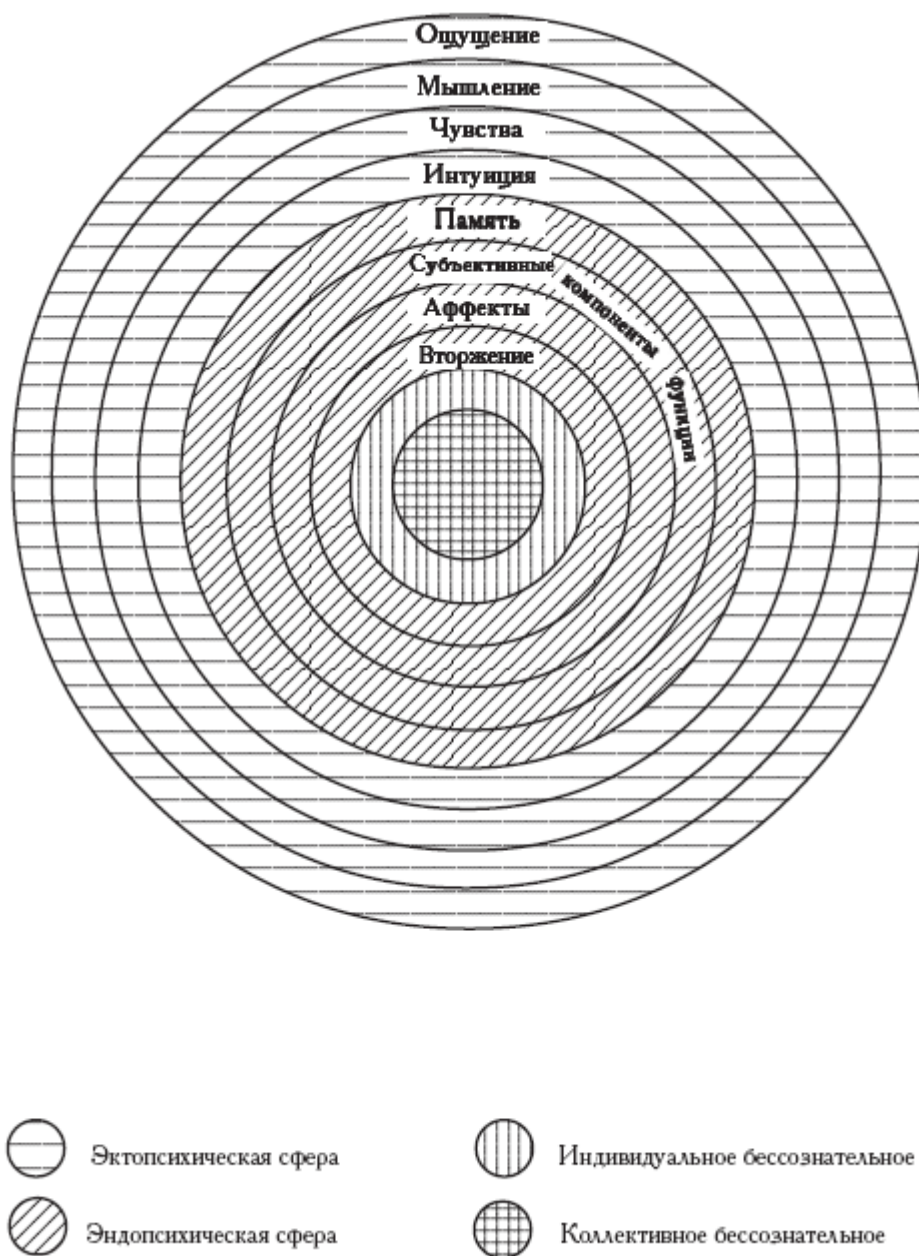

Рис. 4. Структура психического бытия человека

Следующая сфера в диаграмме представляет сознательный Эго-комплекс, с которым соотносятся все функции. Прежде всего назовем память – функцию, контролируемую волей и находящуюся под контролем Эго-комплекса. Субъективные компоненты функций могут быть подавлены или усилены силой воли. Эти компоненты не так контролируемы, как память, хотя и она, как вы знаете, несколько ненадежна. Теперь мы переходим к аффектам и инвазиям, которые контролируются одной только силой. Единственное, что вы можете сделать, – это пресечь их. Сожмите кулаки, чтобы не взорваться, ведь они могут оказаться сильнее вашего Эго-комплекса.

Разумеется, никакая психическая система не может быть отражена в такой упрощенной диаграмме. Это, скорее, шкала оценок, показывающая, как энергия или интенсивность Эго-комплекса, манифестирующая себя в волевом усилии, уменьшается по мере приближения к темной сфере – *бессознательному*. Прежде всего мы вступаем в личностное под-

сознание, некий порог в сфере бессознательного. Это часть психики, содержащая те элементы, которые могут быть осознанными. Многие вещи именуется бессознательными, но это относительно. Есть люди, которые осознают практически все, что может осознать человек. Конечно, в нашем цивилизованном мире есть много неосознанных вещей, хотя индусы, китайцы, к примеру, осознают то, к чему наши психоаналитики идут долгим, сложным путем. Более того, живущий в естественных, природных условиях человек удивительным образом осознает то, о чем городской житель просто не догадывается, а если и вспоминает, то лишь под влиянием психоанализа. Я обнаружил это еще в школе. Я жил в деревне, среди крестьян, и знал то, чего не знали другие мальчишки в городе. Просто мне представился случай, и это во многом помогло мне. Анализируя сны или симптомы фантазий невротиков или обычных людей, вы проникаете в сферу бессознательного, вы переступаете этот искусственный порог. Весьма примечательно, что человек в состоянии развить свое сознание до такой степени, что сможет сказать: ничто человеческое мне не чуждо (*Nihil humanum a me alienum puto*).

Наконец, мы подходим к ядру, которое вообще не может быть осознано, – к сфере архетипического разума. Его возможные содержания появляются в форме образов, которые могут быть понятны только в сравнении с их историческими параллелями. Если вы не распознаете определенный материал как исторический и не проведете параллелей, то не сможете собрать все содержания в сознании, и последние останутся спроецированными¹⁸. Содержания *коллективного бессознательного* не контролируются волей и ведут себя так, словно никогда в нас и не существовали, – их можно обнаружить у окружающих, но только не в самом себе. К примеру, злобные абиссинцы нападают на итальянцев; или как в известном рассказе Анатоля Франса: два крестьянина живут в постоянной вражде. И, когда у одного из них спрашивают, почему он так ненавидит своего соседа, он отвечает: «Так ведь он живет на другом берегу реки!» Точь-в-точь как Франция и Германия. Мы, швейцарцы, во время (Первой) Мировой войны, как вам известно, имели возможность читать газеты и наблюдать, как этот специфический механизм, подобно артиллерийской перестрелке, срабатывал то на одном, то на другом берегу Рейна. Было совершенно ясно, что люди видят в своих соседях то, чего в самих себе не осознают.

Как правило, когда коллективное бессознательное констеллируется в больших социальных группах, то результатом становится публичное помешательство, ментальная эпидемия, которая может привести к революции или войне и т. п. Движения такого рода очень заразительны и практически непреодолимы – заражение происходит потому, что во время активизации коллективного бессознательного человек перестает быть самим собой, он попросту не принадлежит себе. И не просто участвует в движении, он и есть само движение. Если бы вы жили в Германии или оказались там на какое-то время, все ваши попытки защититься оказались бы тщетными. Эта заразительность буквально проникает под кожу. Вы человек, и, где бы вы ни жили, вы можете оградить себя от подобной заразы только путем сужения сознания, опустошая и обездушивая себя, насколько это возможно. Вы всего лишь пылинка, крупица сознания, брошенная в океан жизни, существующий сам по себе. Но если вы не растворитесь и останетесь самими собой, то тут же заметите, что окружающая атмосфера поглощается вами, проникает вам под кожу. Невозможно жить в Африке или любой другой экзотической стране и не проникнуться ее атмосферой. Если вы живете в окружении желтых людей, то вы «пожелтеете» изнутри, из-под кожи. Подобного невозможно избежать, потому что, кем бы вы ни были – негром, китайцем, – все едино, в чем-то вы такие же человеческие существа, как и все остальные, ибо прежде всего вы – человек. В коллективном бессознательном все люди имеют похожие архетипы, независимо от цвета кожи у всех име-

¹⁸ О проецировании см. лекцию пятую. (Примечание переводчика.)

ются глаза, сердце, печень и т. д. Неважно, что их кожа черного или желтого цвета. В каком-то смысле это остается важным – возможно, у какой-то расы по сравнению с вами отсутствует тот или иной исторический пласт. Разные расовые истории характеризуются различными уровнями мышления.

Изучая истории рас, как это делал я, можно сделать много интересных открытий. Например, исследуя северных американцев, я обнаружил, что каждый американец, поскольку он живет на земле аборигенов, несет в себе краснокожего индейца. Краснокожий, которого американец, возможно, никогда не видел, или негр, несмотря на всевозможные «только для белых», прочно вошли в американца и сделали его принадлежащим отчасти к нации «разноцветных»¹⁹. Эти вещи всецело бессознательны, и говорить о них следует лишь с просвещенными людьми. Нелегко, скажем, обсуждать с французом или немцем причины их взаимного недопонимания.

Не так давно я провел приятный вечер в Париже в обществе весьма образованных людей. Мы говорили о национальных различиях. «Вы цените ясность романского (латинского) духа, – сказал я, – поскольку мышление оказывается у вас подчиненным. Но латинское мышление в свою очередь уступает немецкому». Все насторожились. Я продолжил: «Зато ваши чувства непревзойденны, вдобавок абсолютно дифференцированы». Мои собеседники попросили разъяснения, и я ответил: «Отправляйтесь в кафе или на водевиль, да куда угодно, где поют или играют пьесы, и вы столкнетесь с весьма примечательным явлением. Вначале последует ряд гротескных и циничных пассажей, а затем внезапно на вас хлынет нечто сентиментальное. Потеря матерью ребенка, утраченная любовь или что-то на редкость патристическое – и тут никуда не деться от слез. Для вас соль и сахар должны быть в “одном флаконе”. Немец способен целый вечер потреблять одни только сладости. Француз же непременно прибавит туда и соль. Француз при встрече обязательно скажет, что счастлив познакомиться, даже если при этом он готов послать вас к черту. Немец же такому, ничего не значащему приветствию поверит. Прислав вам из магазина пару подтяжек, помимо обычной платы, он будет ждать вашей любви».

Для немцев вообще характерна подчиненность и недифференцированность чувственной функции. Если вы скажете об этом немцу, он оскорбится. Я бы тоже обиделся. Немец очень привязан к тому, что называется *Gemütlichkeit*, «уютом». Полная табачного дыма комната, где царит любовь и взаимопонимание, – это уютно, и никто не вправе этот уют нарушить. Все было бы понятно, но необходимо сделать одно замечание: это и есть та самая «ясность» подчиненного немецкого чувства. С другой стороны, француз, для которого всякое парадоксальное высказывание обидно, поскольку неясно, и англичанин, который считает, что лучшие мысли всегда не совсем понятны. Я согласен с этим, то же самое происходит и с чувствами, мыслями. Правдивые чувства, в которых вы слегка сомневаетесь, принесут вам только наслаждение. Мысль, в которой нет мягких противоречий, неубедительна.

Теперь рассмотрим вопрос: как достичь темной психической сферы человека? Я уже говорил вам, что это можно сделать с помощью трех методов анализа – теста словесных ассоциаций, анализа сновидений и метода активного воображения. Начнем с теста словесных ассоциаций²⁰. Многим он может показаться старомодным, но я часто им пользуюсь, даже в криминальных случаях.

Эксперимент прост: я читаю перечень из ста хорошо знакомых слов, а тестируемый человек должен как можно быстрее отреагировать на каждое произнесенное мною слово другим, своим словом. Объясните пациенту, что от него требуется произнести первое пришедшее ему в голову слово. Фиксируйте время каждой реакции с помощью секундомера.

¹⁹ Jung C. G. Civilization in Transition // Jung C. G. C. W., vol. 10, pars. 94ff and 946ff.

²⁰ Юнг К. Г. Психология бессознательного. – М., 1995.

Эксперимент после первого чтения повторяется снова. Вы повторяете слова-стимулы, и испытуемый должен воспроизвести свои предыдущие ответы. В некоторых случаях его память дает «осечку», и воспроизведение оказывается затрудненным. Подобные сбои очень важны для исследователя.

Исходная идея теста была утопична – ментальные ассоциации. Тест оказался слишком примитивен для этого. Но именно ошибки, допущенные тестируемым, помогут вам кое-что узнать. Вы произносите элементарное слово, знакомое даже ребенку, а высокообразованный человек не может вам ответить. Почему? Просто это слово натолкнулось на то, что я называю комплексом. Комплекс – скопление психических характеристик, отмеченных специфическим, возможно, болезненным чувством, нечто, обычно тщательно скрываемое. Словно сквозь плотную оболочку *персоны* прорывается метательный снаряд и попадает в темный пласт психики. Человек с комплексом денег, например, запнется на словах «покупать», «деньги», «платить».

Мы столкнулись более чем с двенадцатью различными типами нарушений реакции. Я остановлюсь на некоторых из них, и вы получите представление об их практической ценности. С практической точки зрения наиболее важно продление времени реакции. Чтобы выяснить это, необходимо рассчитать среднюю продолжительность реакции тестируемого. Среди других нарушений можно назвать следующие: реакция, состоящая более чем из одного слова (вопреки инструкции); при повторении слова допускается ошибка; реакция выражена не словом, а мимикой, смехом, движениями рук, тела, покашливанием, заиканием и т. д.; неполная реакция типа «да», «нет»; ассоциация может не соответствовать реальному значению сти-мального слова; использование одних и тех же слов в качестве реакции; использование иностранного языка – у вас в Англии опасность этого не столь велика, а у нас подобное происходит довольно часто; неправильное воспроизведение, когда память не срабатывает в повторном эксперименте, а также полное отсутствие реакции.

Все эти реакции не контролируются волей и поэтому всегда истинны. Если вы подчинитесь условиям эксперимента, то с вами все ясно, если же откажетесь от него, тоже станет понятным, почему вы не хотите этого делать. Если попытаться подвергнуть подобному эксперименту преступника, он может отказаться в нем участвовать, но это будет своеобразным разоблачением, ибо ясно, почему он отказывается. Если же он согласится, то сам приблизит развязку – обнаружение истины. В Цюрихе меня приглашают на судебные заседания в трудных случаях; мои выводы подводят итоги разбирательства.

Результаты теста можно проиллюстрировать диаграммой (рис. 5). Высота колонок отражает время реакции на каждое слово. Штриховая горизонтальная линия показывает среднее время реакции. Незакрашенные колонки обозначают реакции без нарушений, а заштрихованные – нарушенные реакции, время которых превышает среднее. В реакциях 7—10 мы наблюдаем целую серию нарушений.

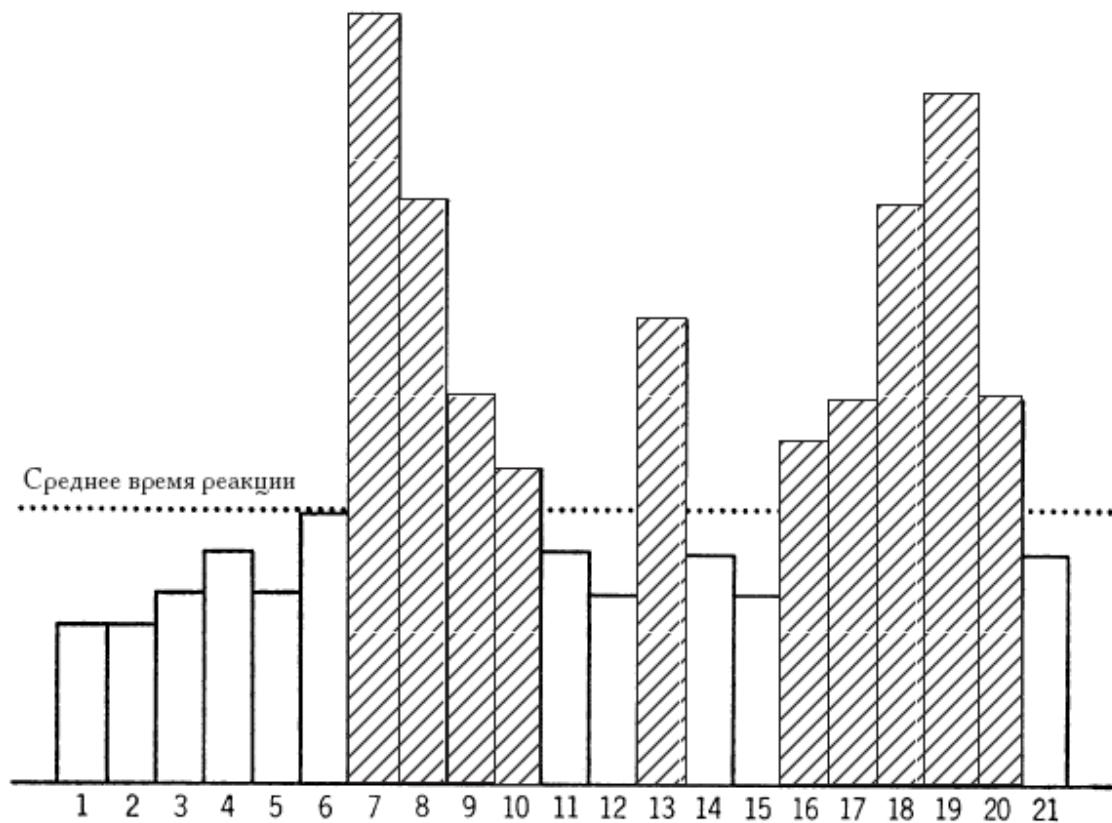

Рис. 5. Ассоциативный тест

Слова-стимулы: 7 – нож, 13 – копье, 16 – бить, 18 – острый, 19 – бутылка

Реакция 13 не входит в этот ряд, но вслед за ней идет еще одна серия нарушений (16–20). Необходимо отметить, что сам пациент не замечает отклонений в своих реакциях. Наиболее сильное нарушение мы наблюдаем в реакциях 18 и 19. В этом частном случае мы имеем дело с так называемым повышением чувствительности через бессознательные эмоции: когда критическое слово вызвало стойкую реакцию, а следующее оказалось созвучно первому, можно ожидать большего эффекта, чем от серии обычных ассоциаций. Это называется эффектом усиления чувствительности.

Может оказаться полезным применение этого эффекта в расследовании криминальных случаев. Для усиления эффекта критических слов-стимулов необходимо расположить их в определенной последовательности, чтобы они могли вызвать стойкую реакцию. Если тестируемый подозревается в совершении преступления, для него критическими будут слова-стимулы, содержащие прямой намек на преступление.

Тест, представленный на рисунке 5, был проведен со здоровым мужчиной тридцати пяти лет. Замечу, что я провел немало экспериментов с людьми различных социальных групп до того, как научился делать выводы из патологического материала. Если вы хотите знать, что беспокоило этого человека, взгляните на слова, вызывавшие нарушения реакции. Свяжите их, и у вас получится неплохое объяснение случившегося.

Итак, это был «нож», который вызвал четыре нарушенные реакции. Следующими словами-раздражителями были «копье», «ударить», «острый», «бутылка». Мне было вполне достаточно небольшой серии из пятидесяти слов, чтобы сказать: «Я не думал, что с вами могла случиться такая беда. Помните, вы были пьяны и ножом убили человека...». Потрясенный, он во всем мне признался. Этот человек был из уважаемой семьи. Будучи

за границей, он попал в пьяную ссору, в которой ножом убил человека. Он просидел год в тюрьме, но скрывал это, ибо не хотел осложнять себе жизнь. На своем семинаре в Цюрихе я также провожу подобные эксперименты. Приглашаются все, кто желает в чем-то исповедаться. При этом я всегда прошу их принести какой-либо материал о другом человеке, которого *они* знают, а я – нет, и демонстрирую на конкретном примере, как читать историю индивида. Это весьма интересное занятие; иногда случаются очень интересные открытия.

Я приведу другой пример. Много лет назад, когда я был еще молодым доктором, пожилой профессор криминологии спросил меня об эксперименте, выразив свое недоверие. Я предложил ему попробовать тест на себе. Он согласился, однако после десяти слов устал, и мне пришлось довольствоваться ими. Я сказал ему, что совсем недавно его беспокоили денежные дела, что он боится умереть от сердечного приступа. Возможно, он учился во Франции, там у него было любовное приключение. И, как это часто бывает, когда человеку приходят в голову мысли о смерти, память приносит светлые воспоминания из далекого прошлого. Как я мог это знать? Это мог понять даже ребенок! У человека семидесяти двух лет слово «сердце» ассоциировалось с «болью», «смерть» с «умирать» – естественная реакция, вызванная боязнью смерти. На слово «деньги» он отреагировал обычно – «слишком мало». Следующие ассоциации поразили меня: на «плату» он, после некоторого раздумья, ответил «La Semeuse». Это известное изображение на французской монете. Мы говорили по-немецки, почему же он употребил французское «La Semeuse» («сеятельница»)? Пришла очередь слову «поцелуй», была долгая реакция и ответ – «красивый». Теперь я мог представить события связно. Он ни за что бы не использовал французский, если бы это не было связано с определенными ощущениями. Какими? Неприятности с французским франком? Нет, в те дни о девальвации франка не было и речи. Я сомневался в том, что послужит ключом к разгадке: любовь или деньги, но реакция «поцелуй» – «красивый» убедила меня в том, что причина – любовь. Он был не из тех, кто едет во Францию в зрелые годы. Но в студенческие годы он был в Париже, изучал право, возможно, в Сорбонне. Теперь я мог с легкостью «соорудить» историю.

Бывают случаи, когда вы сталкиваетесь с настоящей трагедией. На рисунке 6 представлен тест, проведенный с женщиной тридцати пяти лет. Она лежала в клинике с диагнозом «шизофрения в депрессивной форме». Прогноз был удручающим. Она находилась под моим наблюдением, и я был не совсем согласен с таким диагнозом. Уже тогда у меня сложилась своя точка зрения на шизофрению: я думал, что все мы в какой-то мере сумасшедшие.

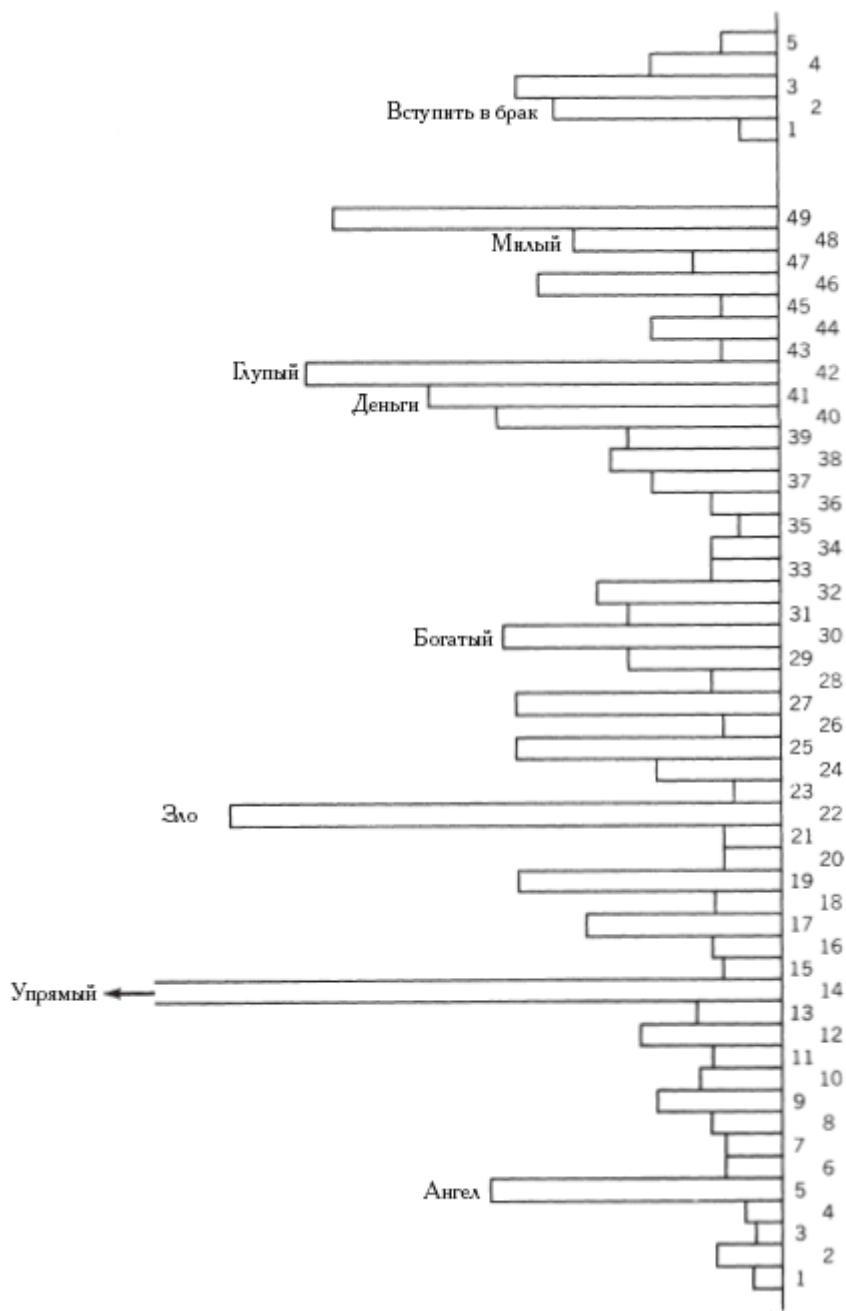

Рис. 6. Ассоциативный тест

Я сделал анамнез, но не обнаружил ничего, что могло бы пролить свет на ее болезнь. Тогда я применил тест на ассоциации и сделал с его помощью немаловажные открытия. Первое нарушение было вызвано словом «ангел», а слово «упорный» привело к полному отсутствию реакции. У пациентки наблюдалось нарушение реакции на слова «зло», «богатый», «деньги», «глупый», «дорогой» и «женитьба». Эта женщина была замужем за преуспевающим и, по-видимому, довольным жизнью человеком. Я беседовал с ее мужем, и он лишь подтвердил ее слова о том, что депрессия началась спустя два месяца после смерти ее старшей четырехлетней дочери. Тест запутал меня окончательно, я не мог свести воедино и объяснить реакции моей пациентки. Вы тоже можете попасть в такую ситуацию, особенно если не так часто сталкивались с подобными заболеваниями. Начните со слов, которые не отра-

жают сути вашего теста. Если же вы сразу попросите охарактеризовать наиболее сильные раздражители, то можете получить ложный ответ. Поэтому начните с нейтральных слов, и тогда вам гарантирован искренний ответ. Я начал с того, что спросил у пациентки, значит ли для нее что-нибудь слово «ангел». Заплакав, она сказала, что это ребенок, которого она потеряла. Значение слова «упорный» пациентка отрицала, сказав, что оно для нее ничего не значит. Я так и не смог ничего от нее добиться. Затем последовала серьезная негативная реакция на «зло». Она просто отказалась отвечать. Я не мог вытянуть из нее ни слова. «Голубой» ассоциировалось у нее с глазами умершего ребенка: «Они были удивительно голубые, когда она родилась, но это не были глаза моего мужа...» В результате выяснилось, что глаза у девочки были похожи на глаза бывшего возлюбленного ее матери. Мне удалось расположить пациентку к рассказу.

В небольшом городе, где она росла, жил богатый молодой человек. Она была из обеспеченной, но не именитой семьи. Он – богатый аристократ. Герой, о котором мечтала каждая девочка в том маленьком городке. Она была хорошенькой, верила в себя и надеялась. Но родители сказали, что он богат и вовсе не думает о ней. А вот мистер такой-то – милый человек, и почему бы ей не выйти за него замуж... Он вышла замуж и даже была счастлива первые пять лет своего супружества, до тех пор, пока ее не навестил друг детства. В отсутствие мужа он сказал ей, что она причинила боль одному джентльмену (имелся в виду Герой), что он был влюблен в нее и ее брак оказался для него ударом. Это известие словно током пронзило нашу пациентку, но она сумела взять себя в руки. Через две недели она купала своих детей – мальчика двух и девочку четырех лет. Вода – это было не в Швейцарии – вызывала некоторые подозрения; как оказалось, она на самом деле была заражена тифозной палочкой. Мать заметила, что девочка тянет в рот губку для мытья, но не остановила ее. А когда мальчик попросил пить, она дала ему эту воду. В результате девочка заболела тифом и умерла, мальчика спасли. Получилось то, чего она втайне хотела (или дьявол в ней хотел), – возможность расторгнуть брак, с тем чтобы выйти замуж за другого. Получилось, что она совершила убийство. Сама она этого не знала: она излагала только факты, но выводов не делала. Однако именно она была в ответе за смерть ребенка, поскольку знала, что опасность заражения была. Передо мной встал вопрос: сказать ей о том, что она убийца, или лучше промолчать? Поясню: криминал ей не грозил, но такое «известие» могло бы ухудшить ее состояние. Учитывая неблагоприятный прогноз, я решил использовать шанс: если она осознает свой поступок, возможно выздоровление. Я собрался с духом и сказал: «Вы убили своего ребенка». Это был взрыв эмоций, они затмили все, но потом она пришла в себя. Через три недели мы ее выписали. Я наблюдал за ней в течение пятнадцати лет – рецидива не было. Депрессия психологически соответствовала ее случаю: она – убийца и должна понести наказание. Но вместо тюрьмы она оказалась в психиатрической лечебнице. Возложив тягостную ношу на ее сознание, я фактически спас ее от кары безумия. Признание греха дает силы жить дальше, в противном случае человек обрекает себя на неизбежные страдания.

Обсуждение

Вопрос:

Я хочу вернуться к вчерашнему вечеру. Уже ближе к концу лекции, когда речь шла о высших и низших функциях, доктор Юнг сказал, что мыслительный тип пользуется своей чувствующей функцией архаически. Мне хотелось бы знать, истинно ли обратное? Действительно ли чувствующий тип, когда он пытается мыслить, мыслит архаически? Иными словами, должны ли мы неизменно видеть в мышлении и интуиции функции более высшие по сравнению с чувством и ощущением? Я спрашиваю об этом потому, что... насколько я понял из лекции, ощущение является самой низшей из сознательных функций, а мышление – наивысшей. В повседневной жизни мышление, конечно, выглядит более значительным. Когда профессор – не профессор Юнг, а вообще, – размышляя над своими исследованиями, думает о самом себе, то себя он считает и другим представляется высшим типом – высшим по сравнению с крестьянином, который говорит: «Иногда я сижу и думаю, а иногда просто сижу». *Профессор Юнг:*

Я надеюсь, что не давал вам какого-либо повода считать, будто я отдаю предпочтение какой-либо из функций. Доминирующая функция у того или иного индивида всегда наиболее дифференцирована, но таковой может быть любая из функций. У нас нет абсолютно никаких критериев, на основании которых можно было бы сказать, что та или другая функция сама по себе является наилучшей. Мы можем лишь отметить, что данный индивид лучше всего адаптируется с помощью своей дифференцированной функции и что в наибольшем небрежении при этом оказывается подчиненная функция. Сейчас есть люди, считающие высшей функцией интуицию.

Утонченные люди предпочитают интуицию – это первоклассно! Человек ощущающего типа всегда считает других людей ниже себя: он уверен, что им недостает реализма. Он единственный – подлинный реалист, а все остальные – фантазеры, далекие от реальности. Каждый считает, что его первичная функция – ведущая. В этом вопросе все мы склонны к удручающей слепоте. Для понимания подлинной порядковой связи функций в нашем сознании необходим строгий психологический критицизм. Многие люди считают, что мышление способно решить все мировые проблемы. Но на самом деле истину невозможно установить без участия всех четырех функций. Когда вы размышляете о мире, то осуществляете лишь одну четвертую часть того, что требуется; оставшиеся три четверти могут выступить против вас.

Доктор Эрик Б. Штраус:

Профессор Юнг сказал, что тест словесных ассоциаций является средством, с помощью которого можно изучать содержания личного бессознательного. В приведенных же им примерах были обнаружены содержания сознания пациента, а не его бессознательного. Разумеется, при желании отыскать бессознательный материал пришлось бы сделать дальнейший шаг и заняться поиском свободных ассоциаций в тех зонах, где наблюдались аномальные реакции. Я имею в виду ассоциации, связанные со словом «нож», которые столь успешно вывели профессора Юнга на историю о том несчастном случае. Все это присутствовало в сознании пациента, но если бы слово «нож» имело бессознательные ассоциации, то мы могли бы, будь мы фрейдистски ориентированы, предположить, что оно связано с бессознательным комплексом кастрации или с чем-то подобным. Я не утверждаю этого, но мне непонятно, что профессор Юнг имеет в виду, когда он говорит, что посредством теста словесных ассоциаций мы достигаем бессознательного пациента. Определенно в сегодняшнем примере мы имеем дело с сознанием или с тем, что Фрейд, возможно, назвал бы предсознательным.

Профессор Юнг:

Я был бы очень рад, если бы вы более внимательно относились к тому, о чем здесь идет речь. Я говорил, что бессознательные феномены очень относительны. Если я не осознаю нечто, то не осознаю это в весьма относительной форме; в каких-то других отношениях я могу об этом знать. В определенном смысле содержания личного бессознательного вполне сознательны, но вы не знаете их в определенном отношении или в определенный момент.

Как мы можем установить, является ли эта вещь сознательной или бессознательной? Вы просто спрашиваете об этом у людей. Никакого иного критерия для того, чтобы установить, сознательно ли нечто или нет, у нас нет. Вы спрашиваете: «Заметили ли вы у себя какие-нибудь колебания?» – и вам отвечают: «Нет, никаких колебаний не было; насколько я могу судить, я реагировал как обычно». – «Осознаете ли вы, что вас что-то обеспокоило?» – «Нет». – «У вас нет никаких воспоминаний, связанных с вашим ответом на слово “нож”?» – «Нет, никаких». Неведение такого рода очень распространено. Когда меня спрашивают, знаю ли я такого-то человека, я могу сказать, что не знаю: я ведь просто могу его не вспомнить или, иначе говоря, не осознать, что знаю его; но, когда мне скажут, что я встречал его два года назад, что его зовут так-то и так-то, что он сделал то-то и то-то, я отвечу: «Конечно, я его знаю». Я знаю его – и не знаю. Все содержания личного бессознательного бессознательны относительно, включая и комплексы кастрации и инцеста. В определенном смысле они совершенно осознаны, хотя и бессознательны в других. Относительность сознания становится совершенно очевидной в случае истерии. Очень часто оказывается, что некоторые вещи, которые кажутся бессознательными, выглядят таковыми лишь для врача, но не для медсестер или родственников.

Как-то в известной клинике в Берлине мне довелось наблюдать интересный случай; речь шла о множественных саркомах спинного мозга, и, хотя диагноз был поставлен знаменитым неврологом, перед которым я, можно сказать, трепетал, я все же настоял на проведении анамнеза, который принес великолепный результат. Я спросил о том, когда появились симптомы, и выяснил, что все началось вечером того дня, когда единственный сын этой женщины женился и покинул ее. Она была вдовой, очевидно, обожавшей своего сына, и я сказал: «Это не саркома, а обычная истерия, в чем можно теперь же убедиться». Профессор ужаснулся, уж не знаю чему – моему «непрофессионализму», бестактности или еще чему-то, и мне пришлось уйти.

Но кто-то побежал за мной на улицу. Это была медсестра, которая сказала: «Доктор, я хочу вас поблагодарить за то, что вы сказали, поскольку тут-таки и была истерия. Я всегда так думала».

Доктор Эрик Грэхем Хоу:

Могу ли я вернуться к тому, что сказал доктор Штраус? Вчера вечером профессор Юнг упрекнул меня в произвольном употреблении слов, но, на мой взгляд, очень важно, чтобы эти слова были ясно поняты. Хотелось бы знать, задумывались ли вы над тем, что произойдет, если тест словесных ассоциаций будет применен к словам «мистика» или «четвертое измерение»? Я уверен, что реакция у вас существенно замедлится и всегда, когда будут упоминаться эти слова, вы будете наполняться гневом. Я предлагаю вернуться к идее о четырехмерности, которая, как мне думается, в этой связи может помочь нашему пониманию. Доктор Штраус использует слово «бессознательное», но его, как я понял из высказываний профессора Юнга, как такового нет, а есть лишь относительное бессознательное, зависящее от степени осознанности. Согласно сторонникам Фрейда, имеется некое место, вещь, реальность, называемая бессознательным. Согласно профессору Юнгу, насколько я его понял, такой вещи нет. У него речь идет об изменчивой среде отношений, а у Фрейда – о статичной среде несвязанных сущностей. Проще говоря, Фрейд трехмерен, а Юнг в своей психологии в целом четырехмерен. По этой причине я бы, с вашего позволения, подверг критике схематизированную систему Юнга за то, что тут нам предлагается трехмерное изображение четырех-

мерной системы, статичное изображение того, что является функционально динамичным; но, пока это не будет разъяснено, фрейдовская терминология все время будет сбивать нас с толку, и мы не сможем ничего понять. Поэтому я настаиваю на необходимости уточнения используемых слов.

Профессор Юнг:

Хотелось бы надеяться, что доктор Грэхем Хоу не будет столь категоричным в своих суждениях. Вы правы, но не стоит заводить этот разговор. Как я уже объяснил, я стараюсь исходить из наиболее умеренных предположений. Вы как раз и коснулись этого, заговорив о четырех измерениях и слове «мистика». Вы говорите, что на эти слова-стимулы у всех нас будет замедленная реакция. Вы совершенно правы, мы все легко уязвимы, ибо только начинаем двигаться по избранному пути. Я согласен с вами в том, что очень трудно поддерживать в психологии ее живой дух и не сводить ее к статичным сущностям. Естественно, что необходимо выражаться на понятийном языке четвертого измерения, когда вы вводите временной фактор в трехмерную систему. Когда вы говорите о динамике и о процессах, то вам необходим временной фактор, но, поскольку вы используете само слово «четырёхмерный», против вас восстают все предрассудки этого мира. Это слово-табу, о котором не следует упоминать. Оно имеет свою историю, и мы должны быть крайне осторожными в обращении с подобными вещами. Чем дальше мы продвинемся в понимании психического, тем более внимательно нужно обращаться с терминологией, поскольку каждое слово имеет множество исторических параллелей и с ним связана масса предрассудков. Чем глубже мы проникаем в фундаментальные проблемы психологии, тем больше касаемся философских, религиозных и моральных предрассудков. Поэтому с некоторыми вещами следует обращаться крайне осторожно. *Доктор Хоу:*

Данная аудитория предпочитает более провокационную манеру изложения. Возможно, я скажу нечто необдуманное. Ни вы, ни я не рассматриваем Эго как прямую линию. Мы скорее привыкли рассматривать в качестве истинной формы самости четырехмерную сферу, одним из аспектов которой является трехмерная схема. Если это так, можете ли вы ответить на вопрос: «Каковы масштабы той самости, которая в четырех измерениях предстает как движущаяся сфера?» Я предполагаю такой ответ: «Это сама вселенная, включающая ваше понятие коллективного расового бессознательного». *Профессор Юнг:*

Я был бы очень признателен, если бы вы повторили этот вопрос. *Доктор Хоу:*

Насколько велика эта сфера, представляющая собой четырехмерную самость. Я не в силах удержаться от ответа и не сказать, что она столь же велика, как и космос.

Профессор Юнг:

По сути, это чисто философский вопрос, и ответ на него требует серьезного обращения к теории познания. Мир – это наша картина.

Лишь по-детски мыслящие люди воображают, что мир таков, каким мы его себе представляем. Образ мира является проекцией мира самости, в то время как последняя является интродекцией внешнего мира. Лишь особый разум философа способен заглянуть по ту сторону этой привычной картины мира, населенной статичными и изолированными друг от друга вещами. Выйдя за пределы этой картины, вы рискуете вызвать потрясение в обыденном сознании: вздрогнет и зашатается все мироздание, самые сокровеннейшие убеждения и надежды окажутся помятыми, и я не вижу необходимости расшатывать устоявшийся порядок вещей. Это не принесет пользы ни пациентам, ни врачам; хотя, возможно, это то, что полезно философам.

Доктор Ян Д. Сатти:

Я бы хотел возвратиться к вопросу доктора Штрауса. Я понимаю, что имеет в виду доктор Штраус, и, думается, могу понять, что имеет в виду профессор Юнг. Насколько я могу судить, профессору Юнгу не удалось сколько-нибудь убедительно связать свои рассуждения

с тем, что сказал доктор Штраус. Доктор Штраус хотел узнать, как тест словесных ассоциаций может выявить фрейдовское бессознательное, т. е. тот материал, который в настоящее время вытеснен из сознания. Насколько я понимаю профессора Юнга, он имеет в виду фрейдовское Id (Оно). Мне кажется, что нам следует формулировать свои идеи достаточно четко с тем, чтобы их можно было сопоставлять, а не просто использовать в привычном для своей школы смысле.

Профессор Юнг:

Я вынужден повторить снова, что мои методы не открывают теорий, а служат открытию фактов, и я рассказываю вам, какого рода факты я открываю с помощью этих методов. Я не могу обнаружить комплекс кастрации, или вытесненный инцест, или что-нибудь в этом роде, ибо нахожу только психологические факты, а не теории. Боюсь, вы слишком часто путаете теорию с фактом, и поэтому вас, возможно, разочарует то, что эксперимент не подтверждает наличия комплекса кастрации и подобных вещей, что и неудивительно, поскольку комплекс кастрации – это теория. То, что вы обнаруживаете с помощью ассоциативного метода, есть определенные факты, о которых мы прежде ничего не знали и о которых в определенном специфическом отношении не знал и сам тестируемый. Я не отрицаю того, что он их знал в каком-то ином смысле. Есть много вещей, о которых вы знаете на работе и не знаете дома, но также и дома вы знаете множество таких вещей, о которых не знаете в рабочей обстановке. В одном положении вам это известно, а в другом – нет. Это мы и называем бессознательным. Я должен повторить, что невозможно проникнуть в бессознательное эмпирическим путем, а затем открыть, скажем, фрейдовскую теорию комплекса кастрации. Комплекс кастрации является мифологической идеей, но как таковой он не обнаруживается эмпирически. В действительности мы находим определенные факты, сгруппированные специфическим образом, и в соответствии с историческими или мифологическими параллелями даем им название. Вы не можете выявить мифологический мотив, вы можете обнаружить мотив личный, и не более, причем последний никогда не возникает в форме теории, он лишь живой факт человеческой жизни. Исходя из него, можно выстроить теорию – фрейдовскую, адлеровскую или любую другую. Можно думать о фактической стороне мира все, что вам угодно, но в результате теорий будет столько же, сколько людей, ломающих над ними голову. *Доктор Самми:*

Я протестую! Меня не интересует та или иная теория, меня не интересует, какие факты обнаружены, а какие нет, но я заинтересован в обретении средств коммуникации, с помощью которых каждый может узнать, что думают другие, и поэтому я настаиваю на том, чтобы мы определили наши понятия. Мы должны знать, что другие подразумевают под тем или иным понятием, таким, например, как бессознательное Фрейда. Что касается слова «бессознательное», оно уже всем более или менее понятно. Оно является общепризнанным и достаточно разъяснено, но Юнг отказывается понимать слово «бессознательное» в том смысле, которым наделил его Фрейд, и употребляет его как то, что Фрейд называет Ид, или Оно.

Профессор Юнг:

Слово «бессознательное» не является изобретением Фрейда. Оно было известно в немецкой философии задолго до него Канту, Лейбницу и другим, и каждый из философов давал данному термину собственное определение. Я прекрасно знаю, что существует множество разных концепций бессознательного, и своими скромными попытками что-то сделать в этом направлении лишь стремился высказать о нем свое собственное мнение. Это вовсе не значит, что я недооцениваю заслуги Лейбница, Канта, фон Гартмана и других великих мыслителей, включая Фрейда, Адлера и т. д. Я просто объясняю вам, что я сам подразумеваю под бессознательным, и предполагаю, что вы все достаточно хорошо осведомлены о мнении Фрейда на этот счет. Я вовсе не думал, что в мою задачу входит объяснение вещей таким образом, чтобы все сторонники фрейдовской теории, отдающие ей предпочтение, тотчас же

отказались от своей веры. У меня нет намерения разрушать ваши воззрения и теоретические позиции. Я просто предлагаю собственную точку зрения, и если кому-то покажется, что она тоже имеет смысл, то этого и достаточно. Мне совершенно безразлично, какие у кого представления о бессознательном, иначе мне бы пришлось срочно садиться за длинную диссертацию о том, как понимали бессознательное Лейбниц, Кант и фон Гартман.

Доктор Самми:

Доктор Штраус спросил, как соотносится ваше понимание бессознательного с фрейдовским. Можно ли установить между ними ясную и определенную взаимосвязь?

Профессор Юнг:

Доктор Грэхем Хоу ответил на этот вопрос. Фрейд рассматривает умственные процессы как статичные, в то время как я говорю о них в терминах динамики и взаимосвязи. Для меня все является относительным. Нет ничего однозначно бессознательного: это лишь то, что не представлено сознательному разуму в определенном свете. Можно выдвигать самые различные предположения относительно того, почему та или иная вещь известна в одном аспекте и неизвестна в другом. Единственное исключение я делаю для мифологического паттерна: у меня есть фактические подтверждения того, что он глубоко бессознателен.

Доктор Штраус:

Безусловно, существует разница между использованием вашего теста словесных ассоциаций в качестве детектора лжи при раскрытии преступлений и для обнаружения с его помощью, скажем так, бессознательной вины. Преступник сознает свою вину, равно как сознает и свой страх быть разоблаченным. Невротик же не знает ни о своей вине, ни о том, что он ее боится. Можно ли пользоваться одной и той же техникой в этих двух столь разных случаях?

Председательствующий:

Та женщина не осознавала своей вины, хотя и позволила ребенку сосать губку.

Профессор Юнг:

Я покажу вам разницу экспериментальным путем. На рисунке 7 мы имеем схематическое изображение дыхания тестируемого во время проведения теста словесных ассоциаций. Вы видите четыре серии по семь вдохов и выдохов, зарегистрированных после предъявления слов-стимулов. Диаграмма отражает типичную для множества тестируемых зависимость дыхания от нейтральных и критических стимулов.

Серия «А» показывает, как протекает дыхание после индифферентных слов-стимулов. Вдохи, идущие сразу после слов-стимулов, ниже нормы, а затем следует нормализация.

В серии «В» слово-стимул было критическим, и объем дыхания существенно снижен, порой более чем в два раза по сравнению с нормой.

В серии «С» дана динамика дыхания после слова-стимула, относящегося к комплексу, осознаваемому тестируемым. Первый вдох почти нормальный, и лишь затем происходит некоторое уменьшение объема дыхания.

Серия «D» соответствует дыханию после слова-стимула, относящегося к такому комплексу, который не осознается тестируемым. В этом случае первый вдох явно слаб, и те, что идут вслед за ним, несколько ниже нормы.

Представленные диаграммы наглядно демонстрируют различие между реакциями, соответствующими сознательным и бессознательным комплексам. В серии «С», например, комплекс явно является сознательным. Слово-стимул задевает тестируемого за живое, и следует глубокий вдох. Но, когда слово-стимул ударяет по бессознательному комплексу, объем дыхания, как показывает диаграмма «D» (ее первая колонка), уменьшается. Имеет место

спазм грудной клетки – дыхание практически замирает. Таким образом можно эмпирически подтвердить различие между сознательными и бессознательными реакциями²¹.

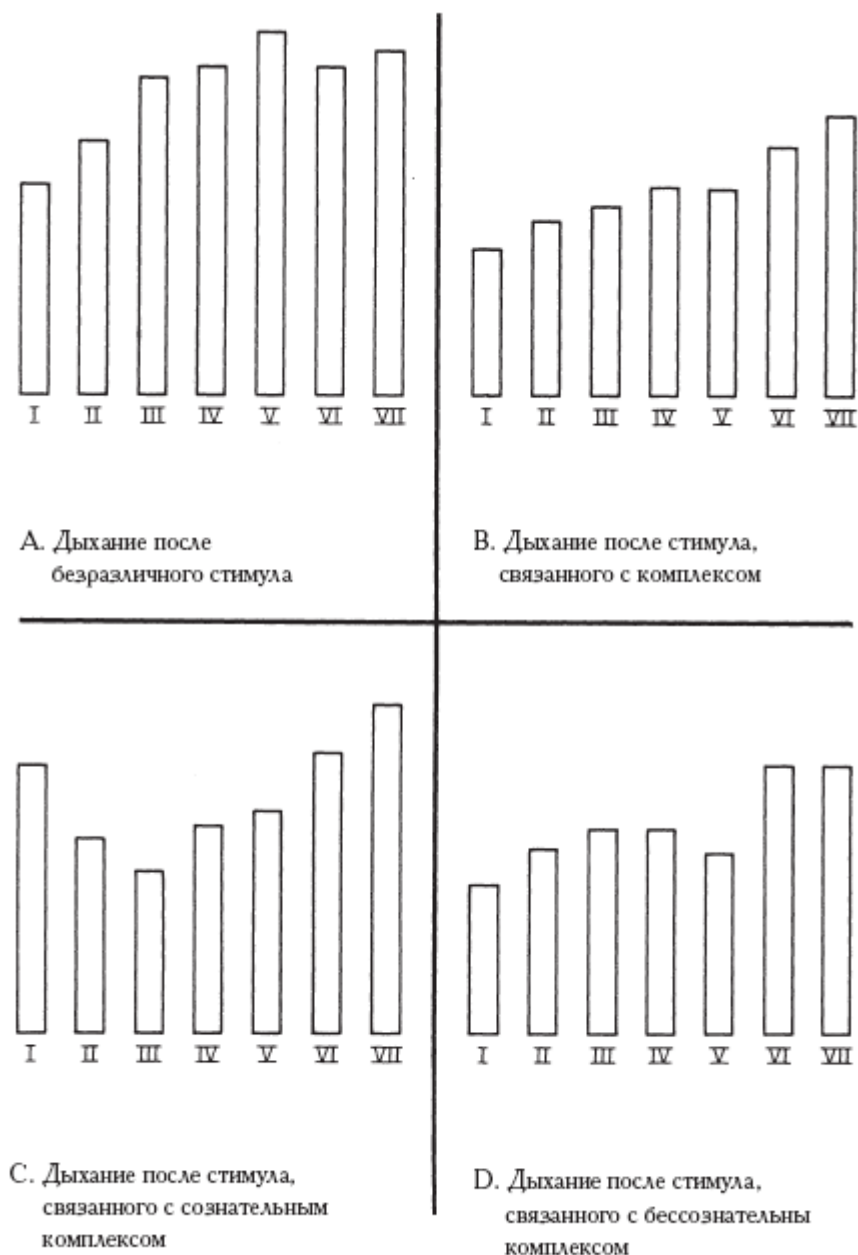

Рис. 7. Тест словесных ассоциаций (дыхание)

Доктор Уилфред Р. Байон:

Вы провели аналогию между архаическими формами тела и архаическими формами сознательного разума. Это просто аналогия, или имеет место более тесная связь? Из того, что вы сказали вчера вечером, можно сделать вывод о том, что вы признаете наличие связи между сознательным разумом и мозгом; недавно в «British Medical Journal» был опублико-

²¹ См. сноску выше, после пар. 48.

ван диагноз, поставленный вами на основании сна и свидетельствовавший об органическом расстройстве²². Если отчет об этом случае является точным, то мы получаем очень важное подтверждение, и мне хотелось бы знать, не считаете ли вы, что между этими двумя формами архаического выживания существует более тесная связь. Сон, сообщенный пациентом доктора Дэви, был таков: «Кто-то сзади беспрерывно спрашивал у меня что-то о смазке какого-то механизма. Говорилось, что лучшим смазочным средством является молоко. Я же, по-видимому, считал, что предпочтительнее будет использовать илистую грязь. Затем, когда был осушен пруд, среди ила обнаружили двух ископаемых животных. Один был маленький мастодонт, а кто второй – я забыл». Комментарий Дэви: «Я подумал, что было бы интересно представить этот сон Юнгу и спросить, какова его интерпретация. Несмотря на то, что в этом сне было множество психологических ответвлений, Юнг нисколько не сомневался, что заболевание в своей основе было не психологическим. По его мнению, сон свидетельствовал об органическом расстройстве. Осушение водоема он проинтерпретировал как ухудшение циркуляции спинномозговой жидкости».

Профессор Юнг:

Вы вновь касаетесь противоречивой проблемы психофизического параллелизма, на которую нет ответа, ибо она находится за пределами возможностей человеческого познания. Как я пытался объяснить вчера, обе вещи – психический факт и факт физиологический – некоторым образом происходят совместно. Они происходят совместно и являются, как я полагаю, попросту двумя разными аспектами лишь нашего сознательного разума, но не самой реальности. Мы рассматриваем их как два разных явления в силу крайней неспособности нашего сознательного разума помыслить о них совместно. Вследствие возможного единства этих двух вещей следует ожидать появления сновидений, которые в большей степени окажутся физиологическими, чем психологическими, точно так же, как существуют сны более психологические, нежели физиологические. Сон, о котором вы упомянули, был явным выражением органического расстройства. Такие «органические репрезентации» хорошо известны в древней литературе. Античные и средневековые врачи пользовались подобными снами для установления диагнозов. Я не проводил физического осмотра пациента, о котором вы упомянули. Просто я выслушал его историю, узнал о содержании его сна и высказал свое мнение. У меня были и другие случаи, например, очень сомнительный случай прогрессирующей мускульной атрофии у молодой девушки. Я спросил о ее сновидениях: у нее было два чрезвычайно колоритных сна. Мой коллега – человек, знакомый с психологией, – считал, что это, должно быть, случай истерии. Истерические симптомы здесь действительно имели место, так что было неясно, была ли это прогрессирующая мускульная атрофия или нет; но на основе анализа сновидений я пришел к заключению, что это было органическое заболевание, и в дальнейшем мой диагноз подтвердился. Это было органическое расстройство, и сны определенно указывали на органику. Согласно моей идее о единстве психического и телесного, это и должно было быть так; удивительно, если бы было иначе²³.

Доктор Байон:

Будете ли вы говорить об этом дальше, когда речь пойдет о сновидениях?

Профессор Юнг:

Боюсь, что не могу входить в такие подробности; сама тема слишком специальная. На самом деле это предмет особого переживания и опыта, и попытка его изложения оказалась бы очень трудоемкой. Описать сжато те критерии, с помощью которых я анализирую сны,

²² См.: Davie T. M. Comments upon a Case of «Periventricular Epilepsy» // British Medical Journal. – 1935. – № 3893 (Aug.). – P. 293–297.

²³ Юнг К. Г. Практика психотерапии. – СПб., 1998, пар. 344 и далее.

практически невозможно. Сон, который вы упомянули, содержал образ маленького мастодонта – помните? Для того чтобы показать реальное значение этого мастодонта в органическом аспекте и объяснить, почему я должен рассматривать этот сон как органический симптом, придется начать с таких аргументов, после которых меня можно обвинить в страшном мракобесии. Но здесь действительно все окутано мраком. Мне пришлось бы изъясняться на языке базального разума, мыслящего архетипическими паттернами. Когда я говорю о мифологических паттернах, люди, осведомленные об этих вещах, понимают, о чем идет речь, но если вы не в курсе, то подумаете: «Этот парень точно сошел с ума – он говорит о мастодонтах и их отличии от змей и коней». Прежде чем вы смогли бы оценить сказанное мной, мне потребовалось бы прочитать курс примерно в четыре семестра по символизму.

В этом-то и вся загвоздка: между тем, что об этих вещах общеизвестно, и тем, что я наработал за долгие годы, имеется значительное расхождение. Даже если бы я выступал перед медицинской аудиторией, мне пришлось бы вести речь не только об особенностях ментального уровня и цитировать Жане, но и заговорить по-китайски. Например, я бы сказал, что понижение ментального уровня в определенном случае доходит до уровня манипура чакра, т. е. до уровня пупка. Мы, европейцы, не единственные люди на Земле. Мы всего лишь полуостров на азиатском материке, населенном древними цивилизациями, представители которых тысячелетиями упражняли свой разум в интроспективной психологии, тогда как мы занялись психологией даже не вчера, а только нынешним утром. Эти люди достигли просто-таки фантастических прозрений, и, для того чтобы понять некоторые факты, связанные с бессознательным, я был вынужден заняться Востоком. Мне потребовалось вернуться назад, чтобы понять восточный символизм. Вскоре я опубликую небольшую книгу, посвященную лишь одному символическому мотиву²⁴; вас бы это шокировало. Мне пришлось заняться не только китайским и хинди, но также и литературой, написанной на санскрите, средневековыми латинскими манускриптами, неизвестными даже специалистам, – об этом можно справиться в Британском музее. Только располагая таким обширным материалом параллелей, можно начать ставить диагнозы и судить, является ли тот или иной сон органическим или нет. Пока люди не освоят этой области знаний, я буду казаться не более чем кудесником или колдуном. Это называется фокус-покус, магическая манипуляция. В средние века люди могли спросить: «Как вы можете видеть, что у Юпитера есть спутники?» Предположим, вы бы ответили, что у вас есть телескоп,

Я не собираюсь этим хвастаться. Но меня всегда озадачивает, когда мои коллеги спрашивают: «Как вы поставили такой диагноз или пришли к такому заключению?» Я отвечаю: «Хорошо, я объясню, но для начала мне придется растолковать, что вы должны знать для того, чтобы быть в состоянии это понять». Я ощутил это на себе, когда знаменитый Эйнштейн был профессором в Цюрихе. Он тогда начинал работать над своей теорией относительности. Мы часто виделись, нередко он бывал у меня дома, и я выпрашивал у него об этой теории. Я лишен математического дара, и нужно видеть, чтобы представить, с какими мучениями этот бедняга объяснял мне, что такое относительность. Он не знал, как это сделать. Я готов был провалиться сквозь землю и чувствовал себя полностью никчемным, видя, как он мучается со мной. Но однажды он спросил меня о чем-то из области психологии. Тут-то я и взял реванш.

Особое знание ставит в ужасно невыгодное положение. Оно заводит вас настолько далеко, что вы уже ничего не можете объяснить. Вам придется смириться с тем, что я буду говорить вам элементарные, на первый взгляд, вещи, ибо, лишь зная о них, вы сможете понять, почему я делаю те или иные выводы. Я приношу извинения, поскольку у нас не

²⁴ Мотив мандалы – в лекции «Traumsymbole des Individuationsprozesses», прочитанной Юнгом двумя неделями раньше, она была напечатана в «Eranos-Jahrbuch» за 1935 год.

так много времени и я не могу рассказать вам все. Переходя к снам, я отдаю себя во власть вашего суждения и рискую быть признанным полным дураком, поскольку я не в состоянии предоставить вам все те материалы, все те исторические свидетельства, на которых строятся мои заключения. Я буду вынужден по кусочкам цитировать литературу Индии и Китая, средневековые тексты, т. е. все те вещи, которые вы не знаете. Да и как бы вы могли знать? Я сотрудничаю со специалистами из других областей знания, и они помогают мне. Среди них был и мой покойный друг профессор Вильгельм, синолог; я работал вместе с ним. Он перевел даосский текст и попросил меня прокомментировать его с психологической точки зрения, что я и сделал²⁵. Мой рассказ будет полон новшеств для сиолога, но то, что может рассказать он, будет столь же неожиданным для нас. Китайские философы не были глупцами. Это мы считаем, что древние просто глупы, но они были ничем не хуже нас. Это были чрезвычайно мудрые люди, и психология могла бы неустанно учиться у древних цивилизаций, особенно у Индии и Китая. Бывший президент Британского антропологического общества как-то спросил меня: «Почему же такие высокоразвитые люди, как китайцы, не имеют своей науки?» Я ответил: «У них есть наука, но вы не понимаете ее. Она не основывается на принципе причинности. Причинность не единственный принцип; она достаточно условна (относительна)».

Кто-то может возразить: «Что за глупость считать причинность условностью!» Однако взгляните на современную физику! Восток строит свое мышление и систему оценки фактов исходя из иного принципа. У нас для его обозначения нет даже названия. На Востоке, естественно, есть обозначающее его слово, но мы его не понимаем. Таким восточным словом является Дао. У моего друга МакДугалла²⁶ был китайский студент, которому он задал вопрос: «Что именно ты понимаешь под Дао?» Типично западный вопрос! Китаец объяснил, что такое Дао, но МакДугалла ответ не удовлетворил: «Что-то мне пока непонятно». Тогда китаец вышел на балкон и сказал: «Что вы видите?» – «Я вижу улицу, дома, людей, прогуливающихся или едущих в трамваях». – «Что еще?» – «Я вижу холм». – «А еще?» – «Деревья». – «А еще?» – «Дует ветер». Китаец распротер руки и сказал: «Это Дао».

В этом-то все и дело. Дао может быть чем угодно. Для его обозначения я пользуюсь иным, достаточно узким термином. Я называю его синхронией. Когда восточный разум наблюдает совокупность фактов, он воспринимает ее как таковую, а западный разум разделяет ее на отдельные сущности, на малые элементы. Например, вы смотрите на некоторое скопление людей и говорите: «Откуда они все пришли?» или «Зачем они собрались вместе?» Восточный разум это абсолютно не интересует. Восточный разум говорит: «Что означает, что эти люди собрались вместе?» Для западного разума такой проблемы нет. Нас интересует, зачем вы сюда пришли и что вы здесь собираетесь делать. Для восточного разума все не так: его интересует то, что вы вместе.

Вот как это выглядит: вы стоите на морском берегу, и волны выбрасывают старую шляпу, старую коробку, ботинок, мертвую рыбу, и все эти вещи остаются лежать на берегу. Вы говорите: «Случай, бессмыслица!» А китайский разум задает вопрос: «Что означает, что эти вещи находятся вместе?» Китайский разум экспериментирует с этим «быть вместе», «прийти вместе в какой-то момент»; у него есть свой, неизвестный на Западе, но играющий значительную роль в восточной философии экспериментальный метод. Это метод предвосхищения возможностей, и он все еще используется японским правительством при решении

²⁵ The Secret of the Golden Flower (Китайский текст был переведен Рихардом Вильгельмом. Комментарий Юнга см.: Jung C. G. Alchemical Studies // Jung C. G. C. W., vol. 13.).

²⁶ Уильям МакДугалл (1871–1938) – американский психиатр.

политических вопросов – так было, например, во время (Первой) Мировой войны. Этот метод был сформулирован еще в 1143 г. до Р. Х.²⁷

²⁷ См.: The I Ching, or Book of Changes / Tr. by W. Baynes. – 3rd edn. Рус. пер. – Книга перемен (И-Цзин). – М., 1991.

Лекция III

Председательствующий (доктор Морис Б. Райт):

Дамы и господа! Нынешним вечером мне выпала честь быть председательствующим на лекции профессора Юнга. Двадцать один год назад мне также довелось встречать профессора Юнга, когда он прибыл в Лондон с серией докладов¹, но тогда, однако, аудиторию составляла очень малая группа психологически мыслящих врачей. Я помню очень хорошо, как после наших встреч мы отправлялись в небольшой ресторан в Сохо и беседовали там до самого закрытия заведения. Естественно, мы пытались выведать у профессора Юнга все, что могли. Когда я прощался с профессором, он сказал мне – без особой серьезности: «Я думаю, вы экстраверт, который стал интровертом». Честно говоря, я до сих пор размышляю над этим.

А теперь, дамы и господа, только одно слово о вчерашнем вечере. Я думаю, профессор Юнг дал нам прекрасную картину своих взглядов и своей работы, когда упомянул о роли телескопа. С помощью телескопа человек, естественно, может увидеть значительно больше, чем невооруженным глазом. Именно такова позиция профессора Юнга. Благодаря своим особым очкам, своим совершенно специфическим исследованиям он приобрел знание и видение глубины человеческой психики, которых многим из нас как раз и недостает. Конечно, в пределах нескольких лекций невозможно дать более, чем сжатый очерк того видения, которым он владеет. Поэтому, по-моему, если что-то и может показаться неясным или окутанным мраком, то это не вопрос обскурантизма, а проблема очков. Моя собственная беда заключается в том, что моя аккомодационная мышца уже окостенела, и я вряд ли увидел бы предлагаемую картину со всей ясностью, даже если бы профессор Юнг и смог одолжить мне свои очки. Однако это все же возможно, и я знаю, с каким трепетом мы ловим каждое сказанное им слово, как оно стимулирует наше мышление, особенно в той области, где умозрение столь легко, а доказательства весьма трудны.

Профессор Юнг:

Дамы и господа! Я должен был завершить свою лекцию о тесте словесных ассоциаций вчера, но вынужден нарушить регламент. Поэтому вы должны простить меня за то, что я вновь к этому возвращаюсь. И это вовсе не из-за того, что я отдаю какое-то особенное предпочтение ассоциативным тестам. Я пользуюсь ими лишь тогда, когда это необходимо, но они действительно составляют основу определенных понятий. В прошлый раз я говорил вам о характерных расстройствах, и, думаю, было бы неплохо кратко суммировать все то, что следует сказать о самих результатах эксперимента, а именно о комплексах.

Комплекс является агломерацией, или совокупностью, ассоциаций, чем-то вроде слепка более или менее сложной психологической природы – иногда травматического, иногда просто болезненного аффектированного характера. Человеку в состоянии напряжения достаточно трудно управлять собой. Я, например, не без колебаний приступаю к важному для меня делу. Вы, наверное, заметили, задавая мне непростые вопросы, что я не могу ответить на них мгновенно, без промедления. Время моей реакции продолжительно именно потому, что вопрос серьезен. Я начинаю запинаться, и память не подает мне необходимый материал. Подобные нарушения – тоже комплекс, несмотря на то что лично я данным комплексом не страдаю. Такие ситуации связаны с физиологическими реакциями: сердечной деятельностью, давлением крови, дыханием, состоянием желудочного тракта, раздражимостью кожи. Комплекс, что называется, «сидит» в теле, делает его неуправляемым. Имея свои «корни» в теле человека, задевая его нервную систему, комплекс вызывает трудноустраняемую реакцию. То, что имеет небольшую эмоциональную значимость и невысокий тонус, с

легкостью может быть устранено, поскольку лишено корней в организме. Такие комплексы не столь цепки и «прилипчивы».

Дамы и господа, это приводит меня к весьма важному выводу: к тому, что комплекс с присущей ему энергией имеет тенденцию образовывать как бы отдельную маленькую личность. У него есть некое исходное тело и в определенной степени собственная физиология. Он может расстроить желудок, нарушить дыхание, изменить сердечный тонус – словом, ведет себя как парциальная личность. К примеру, когда вы хотите сказать или сделать что-то и, к несчастью, комплекс вмешивается в это намерение, то вы говорите или делаете совсем не то, что намеревались. Подобные свойства просто вынуждают нас говорить о наличии определенной силы воли комплекса. Когда мы говорим о силе воли, правомочен вопрос об Эго. Где находится Эго, принадлежащее воле того или иного комплекса? Нам известен наш собственный Эго-комплекс, который, как предполагается, полностью распоряжается телом. Но, хотя это далеко не так, все же допустим, что речь идет о некоем центре, обладающем полной властью над телом, что существует некий фокус, который мы называем Эго, и что это Эго обладает волей и может что-то делать со своими компонентами. Кроме того, Эго представляет собой совокупность (агломерацию) высокочувствительных содержаний, так что нет принципиальной разницы между Эго-комплексом и другими комплексами.

Поскольку комплексы в определенной мере обладают волей, то есть своего рода Эго, то можно обнаружить, что в состоянии шизофрении комплекс высвобождается из-под сознательного контроля до такой степени, что становится видимым и слышимым. Он проявляется в форме видений, говорит голосами, похожими на голоса определенных людей. Эта персонификация комплексов сама по себе еще не обязательно является патологией. В снах, например, наши комплексы появляются в персонифицированном виде. Можно натренировать себя до такой степени, что они приобретут внешнюю форму и в бодрствующем состоянии. В цикле тренировок йоги есть специальное упражнение по расщеплению сознания на отдельные компоненты, каждый из которых обнаруживает себя в форме отдельной личности. В психологии бессознательного есть типичные фигуры, имеющие свою собственную определенную жизнь²⁸.

Все это объясняется фактом безусловной *иллюзии* того, что понимается под единством сознания. Здесь желаемое принимается за действительное. Нам хотелось бы думать, что мы есть нечто единое, одно целое, но это далеко не так. В действительности мы не хозяева в собственном доме. Нам бы хотелось верить в свою волю, и в свою энергию, и в то, что мы можем что-то сделать; но в действительности оказывается, что мы способны на это лишь в определенной степени, поскольку нам мешают эти маленькие черти – комплексы. Комплексы являются автономными группами ассоциаций, имеющими тенденцию жить своей собственной жизнью отдельно от наших намерений. И личное бессознательное, равно как и коллективное, состоит из неопределенного (то есть неизвестного) числа комплексов или фрагментарных личностей.

В этой мысли содержится многое. Например, любой поэт или драматург обладает способностью драматизировать и персонифицировать свои ментальные содержания. Когда он создает персонаж на сцене или в поэтическом произведении, драме, романе, то думает, что этот персонаж – просто продукт его воображения. На самом же деле персонаж в некотором смысле сделал сам себя. Автор будет отрицать, что эти персонажи имеют психологическое значение, но фактически, как нам известно, они все же его имеют. Поэтому можно «прогнать» авторский разум, когда изучаешь персонажей, которых он творит.

²⁸ Например, фигуры анимы и анимуса. Подробнее см.: Юнг К. Г. Психология бессознательного. – М., 1994, с. 276 и далее.

Следовательно, комплексы – частичные или фрагментарные личности. Когда мы говорим об Эго-комплексе, то, естественно, предполагаем, что последний обладает сознанием, так как взаимосвязь различных содержаний с центром (иными словами, с Эго) и называется сознанием. Но мы также и в других комплексах имеем дело с содержаниями, сгруппированными относительно своего центра, некоего ядра. Поэтому позволительно спросить: обладают ли комплексы своим собственным сознанием? Изучая практику спиритизма, вы будете вынуждены признать, что так называемые духи, возвещающие о себе через автоматическое письмо или голоса медиума, на самом деле тоже имеют своего рода сознание. Поэтому непредубежденные люди склонны верить тому, что духи являются призраками умерших – тети, деда или кого-то еще, в зависимости от того, насколько явно в подобных проявлениях могут проследиваться индивидуальные различия. Конечно, когда мы сталкиваемся со случаями умопомешательства, нам вряд ли придет в голову, что мы имеем дело с призраками. В этом случае мы имеем дело с патологией.

Не удивляйтесь, что мы так много говорим о комплексах. Я настаиваю на существовании этой особой точки сознания внутри комплексов лишь потому, что они играют большую роль в анализе сновидений. Вы помните диаграмму (рис. 4), демонстрирующую различные сферы сознания и темный центр бессознательного посередине. Чем ближе вы к центру, тем сильнее начинаете ощущать то, что Жане называет *понижением ментального уровня*: автономия сознания постепенно исчезает, и вы все больше и больше оказываетесь в плену бессознательных содержаний. Автономия сознания теряет свое напряжение и энергию, и эта энергия трансформируется в возрастающую активность бессознательных содержаний. Такой процесс в его крайней форме можно наблюдать при внимательном изучении случаев безумия. Обворожительность бессознательных содержаний постепенно нарастает, и контроль сознания пропорционально ослабевает до тех пор, пока в конце концов пациент полностью не погружается в бессознательное и не становится его жертвой. Теперь он жертва полной автономной активности, которая имеет своим началом не Эго, а темную сферу.

Для завершения разговора о тесте словесных ассоциаций я должен упомянуть о совершенно другом эксперименте. Экономя время, я не буду входить в его подробности. Результат наших объемных исследований, проводившихся в семьях, отражен в диаграммах (рис. 8, 9, 10, 11)²⁹. Например, небольшой подъем кривой, обозначенный на рисунке 8 номером XI, – это особый класс или категория ассоциаций. Принцип классификации – логический и лингвистический. Я не буду вдаваться в его подробности, примите к сведению лишь тот факт, что я подразделил ассоциации на пятнадцать категорий. Мы провели тест во многих семьях, по определенным причинам среди малообразованных людей, и выявили удивительный параллелизм: типы ассоциаций и реакций особенно совпадают у определенных членов семьи, например, у отца и матери, у братьев, у матери и ребенка.

²⁹ Jung C. G. The Familial constellations // Jung C. G. C. W., vol. 2; Jung C. G. Significance of the Father in the Destiny of the Individual // Jung C. G. C. W., vol. 4, pars 698–702.

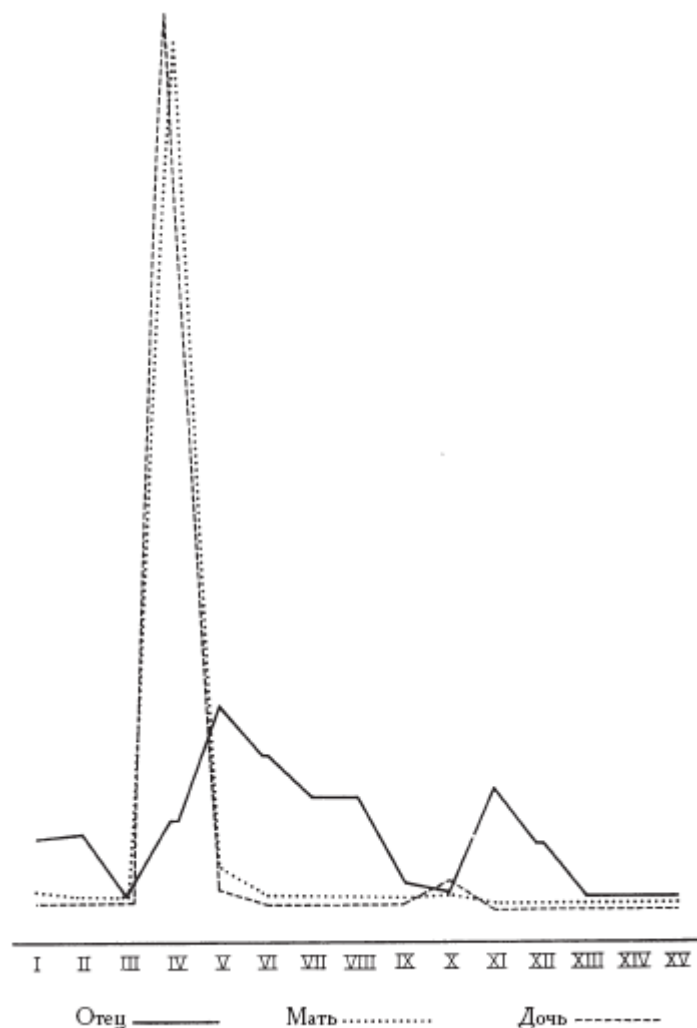

Рис. 8. Семейный ассоциативный тест

Один из случаев представлял крайне несчастливый брак, отец был алкоголиком, мать принадлежала к весьма своеобразному типу. На диаграмме видно, что шестнадцатилетняя дочь полностью повторяет тип матери. Более тридцати процентов всех ассоциаций у них были представлены одинаковыми словами. Это удивительный случай сопричастности, ментальной «инфекции». Размышляя об этом случае, можно сделать определенные выводы. Матери было сорок пять лет, она была замужем за алкоголиком; жизнь не удалась. У девочки такие же реакции, что и у матери. Представьте, что ожидает ее, если она, шестнадцатилетняя девочка, вступит в жизнь, словно ей уже сорок пять лет и она уже побывала замужем за алкоголиком. Подобная сопричастность объясняет, почему дочь алкоголика, детство и юность которой были сущим адом, будет искать себе такого же алкоголика и выйдет за него замуж. Если же по воле случая он таковым не окажется, она его переделает в соответствии с раскладом в родительской семье.

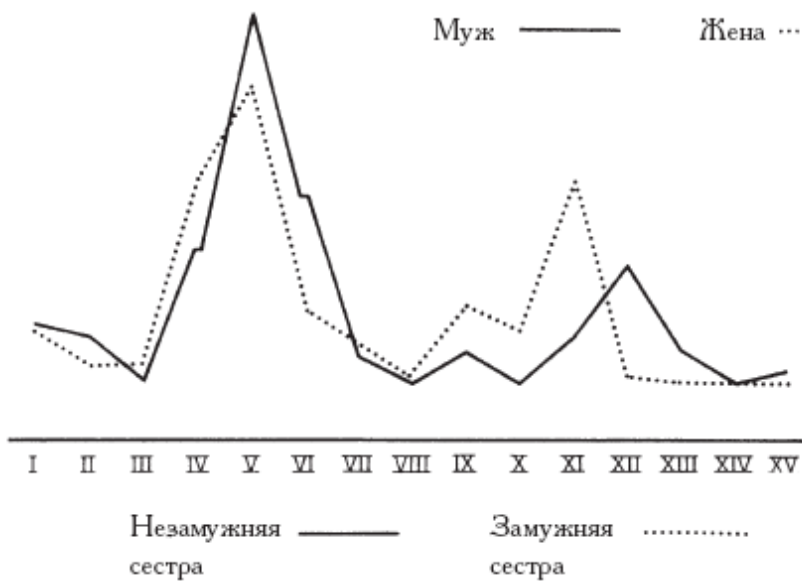
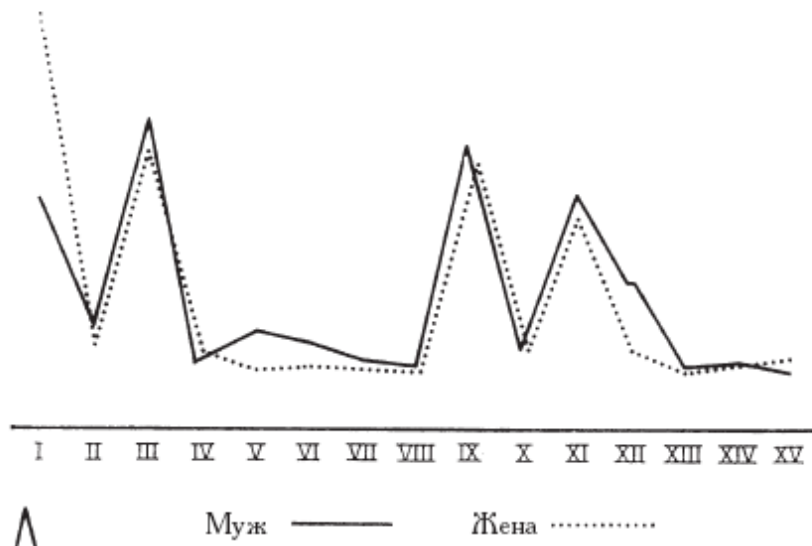
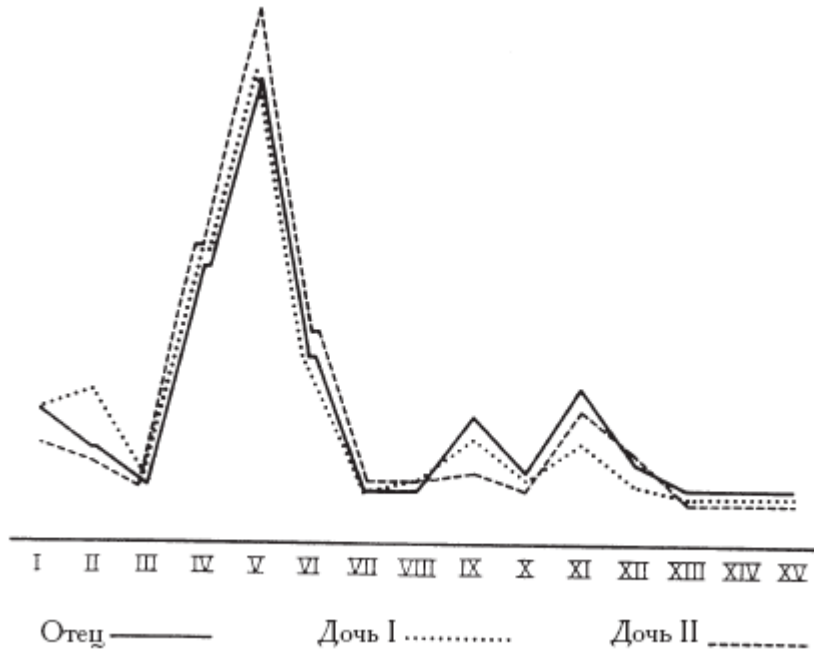

Рис. 9–11. Семейные ассоциативные тесты

На рисунке 9 изображен не менее поразительный случай. Вдовец жил с двумя дочерьми в полном согласии, о чем говорят все графики. Конечно, это неестественно, поскольку либо его реакции были девичьими, либо девочки реагировали по мужскому типу, что выразилось даже в одинаковой манере говорить. В целом же этот случай портит привнесение чужеродного начала, так как дочь и отец – все-таки не одно и то же.

Рисунок 10 – это случай мужа и жены, который вносит некоторый оптимизм в мои достаточно пессимистические примеры. Вы видите здесь гармонию, но не думайте, что для этой пары она рай. Полная гармония в семье, основанная на участии, вскоре может привести к безумным попыткам супругов освободиться друг от друга. Тогда они придумывают раздражающие обоих темы для обсуждений, чтобы иметь причину чувствовать себя непонятыми. Если вы займетесь изучением психологии брака, то обнаружите, что все неприятности происходят от этих хитроумных «изобретений», которые не имеют под собой никакого основания.

Рисунок 11 не менее интересен. Две сестры живут вместе, одна из них замужем. Их пиковая реакция проходит под номером V. Жена в предыдущем случае – сестра этих двух женщин, и, возможно, все они принадлежат к одному типу, но она вышла замуж за человека иного типа. Их высший показатель находится под номером III (рис. 10). Состояния идентичности или сопричастности, продемонстрированные в ассоциативном тесте, могут быть подтверждены другими опытами, например, с помощью графологии. Почерк жен, особенно молодых, часто похож на почерк мужей. Не знаю, бывает ли такое сейчас, но думаю, что человеческая природа остается неизменной. Иногда получается наоборот, потому что так называемый «слабый пол» не всегда бывает слабым.

Дамы и господа, сейчас мы перейдем условную границу реального мира и отправимся в мир сновидений. Я не хочу делать какого-либо особого вступления к анализу снов и думаю, что лучший способ осветить суть идеи – практически показать вам, как я работаю со снами; необходимости в особых теоретических разъяснениях здесь нет, поскольку легко увидеть, из чего я исхожу. Разумеется, я широко использую сновидения, поскольку они являются источником объективной информации в психотерапевтическом лечении. Когда врач имеет дело с каким-то конкретным случаем, то ему очень трудно удержаться от того, чтобы не составить определенное мнение на этот счет. И чем большее число случаев вы знаете, тем больше усилий приходится прилагать, чтобы «не знать» и дать пациенту шанс самому разобраться во всем. Я всегда стараюсь не знать и не понимать. Терапевтически гораздо полезнее показаться бестолковым или назвать себя незнайкой, чтобы предоставить пациенту возможность самому выразить свой материал. Но это не означает, что вы должны полностью «уйти со сцены».

Вот случай с мужчиной 40 лет, женатым, прежде ничем не болевшим. Выглядит превосходно, он директор большой общественной школы, весьма интеллигентен, ранее изучил некоторые ныне вышедшие из моды области психологии, в частности вундтовскую³⁰, ничего общего не имеющую с деталями человеческой жизни, но уводящую в стратосферу абстрактных идей. В последнее время он был серьезно встревожен невротическими симптомами. Он стал страдать особым свойством головокружениями, появлявшимся у него время от времени сердцебиением, тошнотой, ознобом и приступами слабости и удушья. Данный синдром представил картину болезни, хорошо известную в Швейцарии. Это горная болезнь, случающаяся с людьми, не привыкшими к большим высотам, и легко возникающая у них

³⁰ Вильгельм Вундт (1832–1920) – немецкий психолог (Лейпциг).

при восхождениях. Поэтому я спросил: «А не горная ли это у вас болезнь?» Он ответил: «Да, вы правы. Похоже на горную болезнь».

Я спросил, были ли у него сновидения, и он ответил, что совсем недавно видел три сна.

Я не люблю анализировать единичные сны, так как их можно интерпретировать весьма неопределенно. Дело существенно меняется в случае серии из двадцати или, скажем, ста снов: тут есть что сравнивать и легко выделить устойчивые информативные признаки. Здесь наяву процесс, происходящий в бессознательном из ночи в ночь и длящийся непрерывно. Существует предположение, что мы видим сны постоянно, стало быть, и днем тоже, хотя в последнем случае этого не воспринимаем, так как сознание подавляет их (окклюзия). Но бессознательное работает непрерывно днем и ночью. И вот ночью, когда происходит *понижение ментального уровня*, сны прорываются в психическую сферу и становятся видимыми.

В своем первом сне пациент обнаружил, что находится в маленькой швейцарской деревушке. Представительный, в длинном черном пальто, он держит под мышкой несколько толстых книг. Появляется группа молодых людей, лица которых ему знакомы. Это его бывшие товарищи по школе. Они смотрят на него и говорят: «Этот парень не очень-то часто здесь появляется».

Чтобы понять сон, необходимо вспомнить, что пациент имел очень хорошую научную подготовку и занимал достаточно высокое положение на социальной лестнице. Тем не менее ему пришлось все начинать с нуля, так как в известном смысле он *self made man*³¹. Его родители были бедными крестьянами, так что дорогу пришлось пробивать самостоятельно. Пациент очень амбициозен и полон надежд, что поднимется еще выше. По ассоциации картина напоминает человека, вскарабкавшегося от береговой морской отметки до высоты 2000 метров и теперь рассматривающего окрестные вершины еще большей высоты, возвышающиеся над ним. Человек забыл, что 2000 метров уже пройдены, пора отдохнуть, но нет, он намерен немедленно начать новый подъем; человек не осознает, что он устал и в данный момент не способен идти дальше. Утрата понимания сложившейся ситуации и есть причина симптома горной болезни. Сон донес до него реальную психологическую ситуацию. Контраст между ним, представительным человеком с книжкой под мышкой, и деревенскими мальчишками, заметившими, что он не часто появляется в родной деревне, означает, что пациент редко вспоминает, откуда он родом. Напротив, он думает о своей будущей карьере и надеется получить место профессора. Поэтому сон возвращает его назад – к прошлому окружению, помогая осознать и оценить то, чего он достиг, а также естественные границы человеческих усилий.

Начало второго сна – типичный пример явления, возникающего тогда, когда сознательная установка совпадает со сновидческой. Сновидец знает, что должен отправиться на важную конференцию, и берет свой портфель. Замечает, что уже довольно поздно, поезд скоро отойдет, и начинает суетиться, боясь опоздать. Он пытается собрать свою одежду: шляпы нет, пальто не лежит на месте. Бегаёт по всему дому в поисках того и другого и кричит: «Где мои вещи?» В конце концов все находится, и герой выбегает из дому. При этом обнаруживается, что забыт портфель. Он возвращается за портфелем и смотрит на часы, убеждаясь в том, что действительно опаздывает. Затем бежит на станцию по дороге, которая до странности настолько мягкая, будто бежишь по мху, и ноги двигаются с большим трудом. Задышавшись, наш герой добирается до станции и видит, что его поезд только что ушел. Тут его внимание привлекает железнодорожное полотно, которое выглядит примерно как на рисунке 12.

Сновидец находится в *A*, хвост поезда уже в *B*, а паровоз в *C*. Он наблюдает за составом, огибающим всей своей длиной кривую, и думает при этом следующее: «Если машинист достаточно умен, то сообразит, подойдя к точке *D*, не давать полный пар, так как если он это

³¹ Человек, самостоятельно выбившийся в люди; человек, всем обязанный самому себе. (Примечание переводчика.)

сделает, то длинный состав, все еще огибая кривую, сойдет с рельсов». Паровоз подходит к D, и машинист дает полный пар: паровоз резко тянет состав вперед. Сновидец видит разворачивающуюся катастрофу: состав сходит с рельсов – и кричит, просыпаясь в ужасе.

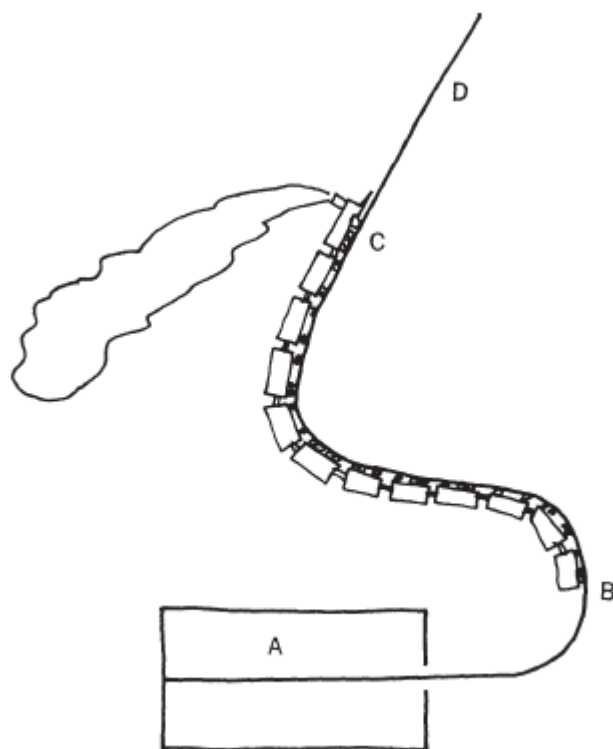

Рис. 12. Увиденная во сне траектория движения поезда

Всякий раз, когда кто-либо видит сон с подобной ситуацией опаздывания, с сотней препятствий и помех, это значит, что в реальности он ведет себя так же, как и во сне, нервничает. А переживает и нервничает потому, что происходит бессознательное сопротивление сознательному намерению. Больше всего раздражает, что сознательно сновидец очень сильно чего-то хочет, а невидимый дьявол всячески мешает ему, причем этот дьявол и есть сам сновидец. Во сне идет борьба с этим дьяволом, но весьма суетливо, излишне нервно. В описываемом случае развитие сюжета происходит против воли сновидца. Он не хочет оставлять дом и, однако, хочет этого весьма сильно; поэтому все помехи и трудности на пути созданы им же самим. Он и тот самый машинист, который думает: «Ну все, теперь у нас нет проблем, кривую объехали, впереди прямой участок и можно дать полный пар». Прямая линия на кривой соответствует более высоким вершинам из первого сна, о которых сновидец думал, что они посильны для него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.